

Чандра Свами Удасин

С Л Е Д В В Е Ч Н О С Т И

ИЖИ

Издательский Дом «Ганга»

Свами Прем Вивекананда
Чандра Свами Удасин.
След в вечности
Серия «Источники живой истины»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29813254

Чандра Свами Удасин. След в вечности: Ганга; М.; 2018

ISBN 978-5-9500732-8-1

Аннотация

Данная книга – первая часть новой, расширенной биографии Чандры Свами Удасина – живого святого из Северной Индии, достигшего вершины духовного постижения, редко достигаемой даже в Индии с ее богатейшей духовной культурой. Книга содержит описание ранних лет жизни святого, его духовного поиска, последующей интенсивной садханы и этапов духовного восхождения вплоть до Реализации Абсолюта.

Книга содержит в себе уникальную информацию и послужит вдохновению тех, кто встал на духовный путь. Она также будет интересна тем, кого интересует духовная культура Индии.

Содержание

Посвящение	5
Предисловие	7
Введение	13
Традиция Удасинов	20
Баба Бхуман Шах	25
Глава 1	33
Детство и родня	33
Детские видения и духовные переживания	48
Школьные годы	63
Божественный зов	71
Посвящение в Удасины	74
Занятия спортом и дальнейшее погружение в бесстрастие	89
Глава 2	111
Отказ от обучения	111
Санньяса: последний решительный шаг	118
Паломничество в Гималаи	132
Даршана святого Гурумукха Сингха	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Свами Прем Вивекананд Чандра Свами Удасин. След в вечности

© Copyright 2016 by Seekers Trust (India)

© ООО ИД «Ганга». Издание на русс. яз. 2017

* * *

Что я ищу?

Это самый важный вопрос, который должен задать себе каждый.

Есть лишь одна достижимая цель, осуществив которую, ты ее больше уже не утратишь – это Бог и только Бог, Абсолютное Блаженство-Сознание. Все остальное подобно миражу, не способному утолить жажду души.

Чандра Свами Удасин

Посвящение

Лотосовым стопам нашего возлюбленного Гурудэвы,
Шри Чандры Свамиджи, этому океану сострадания,
Который всецело упрочился в Боге,
В Абсолютной Истине–Сознании–Блаженстве;
Который неизменно остается дитем своего Гурудэвы,
Бабы Бхуман Шаха, ибо Он – жизнь его жизни,
Олицетворение божественности и воплощение
Сильнейшей божественной любви (*махабхава*).
Тому, чье нежное и умиротворяющее присутствие
 подобно вечному празднику;
Сам Он за пределами правил и ограничений,
Но непринужденно принял суровую самодисциплину
И чистое праведное поведение
Ради своих последователей и смертных, как мы;
Тому, чей луноподобный сияющий лик, исполненный
 блаженства Атмана,
Всегда излучает покой, умиротворение и радость;
Сияя божественным великолепием, из его
 величественного облика
Неиссякаемым потоком проистекают добродетели:
Божественная любовь, знание, радость, покой, смирение,
 простота,
Самообладание, непривязанность,
Непоколебимость парами противоположностей

и свобода;

На чьих губах всегда играет нежная невинная улыбка.

Полностью пропитанный Божественным, чье тело,
чувства, ум и *прана*

Сияют дивным блаженством Атмана,

Чьи глаза всегда наполнены благодатью и состраданием;

Кто с любовью ведет беседы с последователями
и искателями

На языке благодатной тишины;

Чья божественная жизнь – священная почва

Для откровения о величии и великолепии Бога,

Равно как и его прекрасные комментарии

о возвышенных мирских ценностях;

Кто, руководствуясь своим спонтанным состраданием,

Неизменно поглощен заботой о благополучии своих
возлюбленных последователей и искателей;

Праздник для глаз, чья священная *даршана* пробуждает

Божественное, —

Ему с любовью и благоговением посвящаю эту балладу о
его божественной игре (*лила*).

Предисловие

Более пятидесяти лет назад вместе со своими родителями и тремя братьями и сестрами я пересек чистые прозрачные воды священной Ганги в Сапта Сароваре¹ в городе Харидваре, чтобы попасть на отдаленный лесистый остров. Такие островки леса посреди реки называются *джхади*. Днем ранее моего отца, который трепетно любил святых и давно уже искал для себя Садгуру, божественное провидение привело к знакомству с досточтимым Чандрой Свами в его лесной обители, и вот теперь он вел сюда всю семью, чтобы мы получили его священную *даршану*. С полчаса мы пробирались через джунгли, пересекли еще один речной поток и, наконец, пришли к соломенной хижине на берегу Ганги, где и жил Свамиджи. Мы уселись в тени хижины и стали смотреть на чарующий речной поток, окаймленный деревьями с обеих сторон. На много миль вокруг не было ни души. Я был очень мал, так что теперь уже не помню всех подробностей того знаменательного дня, но в сердце моем навсегда отпечатался божественно великолепный Учитель в свободном оранжевом одеянии, стоявший около своей хижины среди высоких деревьев. Тогда я еще и помыслить не мог, что этот величественный йогин станет средоточием и путеводным маяком

¹ Район Харидвара.

всей моей жизни.

Начиная с той первой встречи в 1964 году, я год за годом имел счастливую возможность наблюдать этого Богочеловека с очень близкого расстояния – вначале глазами невинного ребенка, затем с позиции бунтующего подростка и, наконец, с точки зрения преданного ученика. Признаюсь, что в юные годы я дерзко подвергал его всевозможным проверкам, но чем больше я так делал, тем более безупречным становился в моих глазах его сиятельный образ – словно очищенное золото.

Последние двадцать восемь лет я живу подле этого святого человека постоянно. И для меня большая честь и радость представить вашему вниманию первую полную биографию Свамиджи на английском языке. Ко мне впервые пришло вдохновение написать биографию Свамиджи еще в конце 1990-х. Я написал эту книгу на хинди и опубликовал ее под названием «Чандра Прабхас». Но затем я прожил рядом с ним еще более десятилетия и пришел к убеждению, что очень многим из тех, кто ищет Истину, [но не владеет хинди, тоже] пойдет на пользу книга об изумительной божественной жизни достигшего полной Богореализации мудреца, каким является Шри Чандра Свами – безупречный образец целостной божественной жизни. Был у меня и другой мотив вернуться к работе над биографией, сугубо личный: мне просто нравится снова и снова окунаться в реку его божественной *лилы*, которая несет чистоту и вдохновение, по-

добно Ганге.

Свамиджи всегда избегал говорить о себе, о своей труднейшей *садхане*, об озарениях и так далее. Поэтому лишь благодаря неустанной настойчивости я в конце концов сумел получить от него дозволение написать книгу о его жизни. Я все время остро осознавал невозможность поставленной задачи, ибо очертить словами суть такого великого человека, каким является Свамиджи, все равно что пытаться схватить рукой солнечный луч. У меня ушло несколько лет на написание «Чандра Прабхас», при том что параллельно я занимался строительством ашрама «Садхана Кендра» и другими делами. И если книга «Чандра Прабхас» смогла хоть в какой-то мере отобразить божественную личность Свамиджи, то это произошло лишь его милостью. А любые недостатки этого текста – всецело на моей совести, поскольку у меня не было ни опыта, ни квалификации.

В 2006 году ашрам начал издавать выходящий раз в два месяца духовный журнал «Бхуман Шах Сандеш», и я стал частями переводить «Чандра Прабхас» для англоязычных последователей нашего Свамиджи. Именно таким образом за годы накопился основной материал данной книги. Вместе с тем в ходе длительного процесса перевода текст дополнился многочисленными изменениями и добавками, особенно что касается духовных практик и озарений Свамиджи. По моей просьбе Свамиджи любезно провел со мной несколько личных бесед, в ходе которых терпеливо, пусть и неохот-

но, отвечал на мои многочисленные вопросы о своем раннем опыте, связанном с *садханой* и духовным поиском в целом. Многие вопросы и ответы из этих бесед включены в данный текст, равно как и некоторые спонтанные воспоминания Свамиджи, которые он записывал во время ежедневного *сатсанга* и в другие моменты. Кроме того, здесь представлено несколько важных писем, которые Свамиджи написал близким последователям в ранний период своей *садханы*, а также воспоминания некоторых наистарейших учеников Свамиджи. Все эти письма и воспоминания дают нам драгоценное и достоверное отображение божественной личности Свамиджи, каким он был в те дни. Как и «Чандра Прабхас», данная книга является иллюстрированной биографией, и здесь вы найдете множество новых, прежде не публиковавшихся фотографий из раннего периода жизни Свамиджи. Их тоже любезно предоставили нам старые последователи Свамиджи.

Для удобства мы решили разделить биографию Свамиджи на две части. Первый том охватывает ранний период жизни Свамиджи – с детства и вплоть до обретения святости. Вместе со Свамиджи мы проживем его юные годы, потом период, когда он решил отречься от мира, а затем еще восемнадцать лет интенсивной духовной *садханы*, когда он жил в дикой пещере в штате Джамму и на отдаленной вершине холма в Шринагаре, а также на островке посреди джунглей неподалеку от Харидвара. Кроме того, мы в меру сво-

их знаний и способностей обсудим некоторые духовные переживания и озарения, случавшиеся на его пути, кульминацией которых стала наивысшая всеобъемлющая реализация Божественного.

Второй том охватит период, когда Свамиджи перебрался с лесистого острова в его первый ашрам «Севак Нивас», расположенный в Сапта Сароваре (город Харидвар), где он прожил долгих двадцать лет, после чего переехал в ашрам «Садхана Кендра», близ селения Домет, где он и живет по сей день, направляя и вдохновляя своим личным примером многочисленных духовных искателей, которые идут к нему за благословением.

Некоторые подробности о детстве Свамиджи и раннем периоде его *садханы* взяты из произведений ныне покойного почтеннейшего Ананды (Иван Амар), возлюбленного ученика Свамиджи из Франции, очень тесно общавшегося с учителем с конца 1960-х годов. Кроме того, мы собрали информацию у многих других последователей и учеников, которым мы искренне благодарны. Немало историй из своей жизни предоставил нам сам Свамиджи. Когда он рассказывал что-то о себе, мы год за годом тщательно записывали его слова на бумагу, чтобы затем вставить в книгу. Поскольку Свамиджи редко рассказывает о том периоде своей жизни, который предшествовал монашескому постригу, и мистических переживаниях, читатель может заметить в соответствующих главах некоторые пробелы – порой зияющие.

Эта работа стала возможна благодаря неустанной преданной *севе*, которую осуществляла *садхви* Мускан, состоящая на личной службе у Учителя вот уже более двенадцати лет. Именно она заботливо и прилежно набирала, редактировала и верстала текст данной книги. Обработкой фотографий занимался почтенный Свами Брахмананда, который служит Гурудэве вот уже более шестнадцати лет. Он часами занимался сканированием, обработкой и ретушированием более девяти десятков старых фотографий, причем многие из этих снимков находились в весьма плачевном состоянии. Сделали свой вклад в создание этой книги и многие другие ученики и последователи, каждый по-своему.

Правда в том, что это повествование включает в себя лишь малое число важных случаев из его жизни, как они были видны со стороны. Однако большая часть истории остается скрытой от нашего взора – мы видим лишь надводную часть айсберга. На самом деле жизнь святого так же загадочна и непостижима, как Сам Бог.

Поэтому, о божественный Учитель! Молим тебя милостиво и милосердно принять это скромное приношение к твоим лотосовым стопам. Даруй нам чистое сердце, непоколебимый ум и преданность твоим священным стопам.

05.03.2016

Его вечный слуга Свами Прем Вивекананд

Введение

Величайшей нерешенной загадкой человека век за веком остается сам человек – представитель наиболее эволюционно продвинутого из всех известных биологических видов. Хотя он уже реализовал многие воистину поразительные возможности как во внутреннем, так и во внешнем мирах, взгляд его по-прежнему устремлен на неисчислимы тайны безграничной Вселенной, его одолевает жажда раскрытия этих тайн. Предназначение человека остается неведомым и незримым, но в то же время у нас есть ощущение, что оно каким-то непостижимым и таинственным образом нам известно. Каков бы ни был объект поиска, кем бы ни был искатель, какими бы ни были средства или место, где осуществляется поиск, в конечном счете именно стремление обнаружить безграничное Блаженство, полную Свободу, абсолютную Истину и неизменную Реальность является важнейшей движущей силой в этом великом путешествии.

Мы видим, что лишь те великие герои человечества, которые реализовали Божественное как высшее Блаженство и абсолютную Свободу, сумели решить сложнейшую загадку жизни в полной мере и навсегда. Их святые жизни естественным образом стали высочайшим идеалом для других людей. Они не принимали за высшую цель жизни какие-то физические, умственные, нравственные или мирские достижения.

Только достижение Божественного было для них достаточным признаком Вечности, Бесконечности, абсолютного Блаженства и абсолютной Свободы. И ныне мы видим, что величайшие герои человечества во все века и во всех странах неизменно принадлежали к числу гигантов духа.

Присутствие этих святых душ в нашем мире является неоспоримым свидетельством Божественного намерения осуществлять общую эволюцию человечества. Их жизнь служит нам напоминанием, что этот физический мир – не более чем взаимодействие отдельных эго на пути к смерти. Любые взаимоотношения оказываются в конечном счете чем-то нереальным. Жизнь ускользает от нас, как мираж. Несмотря на все попытки обеспечить комфорт и безопасность, человек остается несчастен, он непрестанно горит в огне собственного невежества, нескончаемых желаний и эгоистичных порывов. Ему не удастся обрести покой сколько-нибудь надолго – не удастся до тех пор, пока он не придет в свой истинный Дом высшего блаженства и безграничной свободы, реализовав то первозданное достоинство, которое принадлежит ему по праву рождения.

Именно в этом контексте обретают особый смысл несравненные жизни святых, мудрецов и воплощений Бога (*аватар*). Их жизни неизменно преисполнены божественной любви и радости, они являются неиссякаемым источником добродетелей: удовлетворенности, простоты, скромности и смирения. Само их присутствие в мире является бальзамом

для истерзанных сердец. Они служат зеркалом, где отражаются наивысшие идеалы человечества. Их сострадательность и милосердие даруют поддержку и утешение для всех душ на пути к истинному Дому. Их благородная жизнь – самоотверженная и аскетичная, посвященная интенсивной *садхане* и наполненная неизменной любовью ко всем живым существам – служит для нас идеалом и образцом для подражания. Воистину, святые являются самым драгоценным даром Бога всему человечеству. Великий поэт-святой Палту писал:

Ради блага других
Рождается святой в человеческом теле.
Он указывает верный путь,
Проповедует любящую преданность и знание,
Воспевает славу Имени Бога.
Себя ставит низко, но
Поощряет любовь и дружелюбие среди людей.
На вопиющую грубость он отвечает
Сладчайшим нектаром доброго слова.
Он чужд желаний, но в то же время
Подвергается несказанным страданиям
По доброй воле.
Он отправляется в дальние земли,
Дабы помочь душам, которые обременены
Тьмой и невежеством.
Смиранный слуга Палту восклицает:
Я обрел Свободу и Бесстрашие
Милостью моего Гурудэвы!

Наш возлюбленный Гурудэва Шри Чандра Свами тоже принадлежит к числу этих необыкновенных святых. Он воистину является живым образцом подлинной святости.

За последние пятьдесят лет рядом с ним нашли утешение многие и многие духовные искатели. Его неодолимое святое очарование исходит из самых глубин Духа, и поэтому он в равной мере близок всем людям – западным и восточным, образованным и неграмотным, взрослым и детям, последователям и чужакам, верующим и скептикам. Его Существо действует на всех. Он одновременно величествен, как милостивый правитель, и непритязателен, как застенчивый ребенок. В каждом его движении – нежность, чистота и божественность. И даже сейчас, когда этому человеку уже изрядно за восемьдесят, его высокое грациозное тело остается сильным и стройным. Его дивные созерцательные глаза сияют глубоким состраданием и божественной любовью. Длинные белоснежные волосы и борода довершают величественный образ, а на губах часто играет чарующая улыбка. Последователи, ощутившие волшебную притягательность этого человека, никогда не устают созерцать его изумительную красоту.

Поскольку Свамиджи неизменно сосредоточен на Божественном, мы никогда не видели его в состоянии возбуждения или уныния, а все действия он выполняет с необычайной точностью и изяществом. Его мягкая, спокойная, неру-

шимая беспристрастность и его уравновешенная манера общаться с людьми даже в самых нестандартных ситуациях – все это верные признаки того, что перед нами человек божий.

Для своих учеников и последователей он – отец, любимейший из друзей, лучший проводник и опора в жизни... а сам он просто беспристрастно любит всех в равной степени. Он свободно общается со всеми и трапезничает со всеми обитателями и гостями ашрама. У него потрясающее чувство юмора, благодаря чему вокруг него неизменно царит легкая, непринужденная атмосфера. Он обожает шутки, и чаще всего они несут в себе скрытый духовный урок. Он живет весело и легко. Вокруг него то и дело звучит смех – и в трапезном зале, и во время утренних прогулок. В его шутках неизменно есть некий духовный намек, послание, зернышко вдохновения.

Свамиджи – Учитель для тысяч, поэтому к нему непрерывно стекаются люди со своими тревогами и радостями. Обладая бесконечной способностью выслушивать людей, он в силах и переварить все услышанное, как Господь Шива. Почитатели приходят к нему по любым поводам: смерть, брак, рождение ребенка, утраты, приобретения и так далее. Он принимает всех спокойно и терпеливо и дает каждому почитателю наставления, преисполненные глубочайшей любви и при этом предельно практичные. Порой почитатель приходит, чтобы восторженно сообщить о женить-

бе единственного сына; вскоре после этого приходит другой человек, чье сердце разрывается от скорби из-за смерти единственного сына. Свамиджи удается разделить радости и страдания всех этих людей, всегда оставаясь при этом Собою и сохраняя свойственную ему священную беспристрастность. Хотя он и остается неизменно отстраненным свидетелем, который центрирован в своем истинном Существо, однако когда на его последователей обрушивается беда, он не отмахивается от этого как от некоего нереального преходящего события. Он, словно мать, проникается бедами и печалью своего гостя. Но вместе с тем он дает человеку внутреннюю силу, чтобы пережить трагедию именем Божиим. В большинстве случаев он использует подобного рода ситуации, чтобы пробудить почитателя от сна и призвать его на путь, ведущий к жизни вечной и неугасающей радости.

Учение Свамиджи – чистое и простое, лишенное любых мистификаций. Он говорит нам, что истинная цель и задача человеческой жизни – реализовать Божественное, которое есть абсолютная Жизнь, абсолютное Сознание и абсолютное Блаженство. Для этого он рекомендует интегральную *садхану*, соединяющую в себе твердую веру в Бога и доверие к Нему, искреннее стремление реализовать Бога, различение, бесстрастие, молитву, чистоту характера, постоянное памятование какого-либо аспекта Божественного, *джану*, *пранаяму* и (или) дыхательные упражнения, чтение священных писаний и общение с преисполненными вдохнове-

ния святыми и мудрецами. Он подчеркивает, что, помимо этих духовных практик, огромное значение имеет простая, скромная и уравновешенная жизнь, когда мы помогаем бедным и нуждающимся во имя Бога. Таким образом, его всеобъемлющее учение включает в себя очищение и возвышение всех физических, интеллектуальных, эмоциональных и духовных составляющих личности *садхаки*.

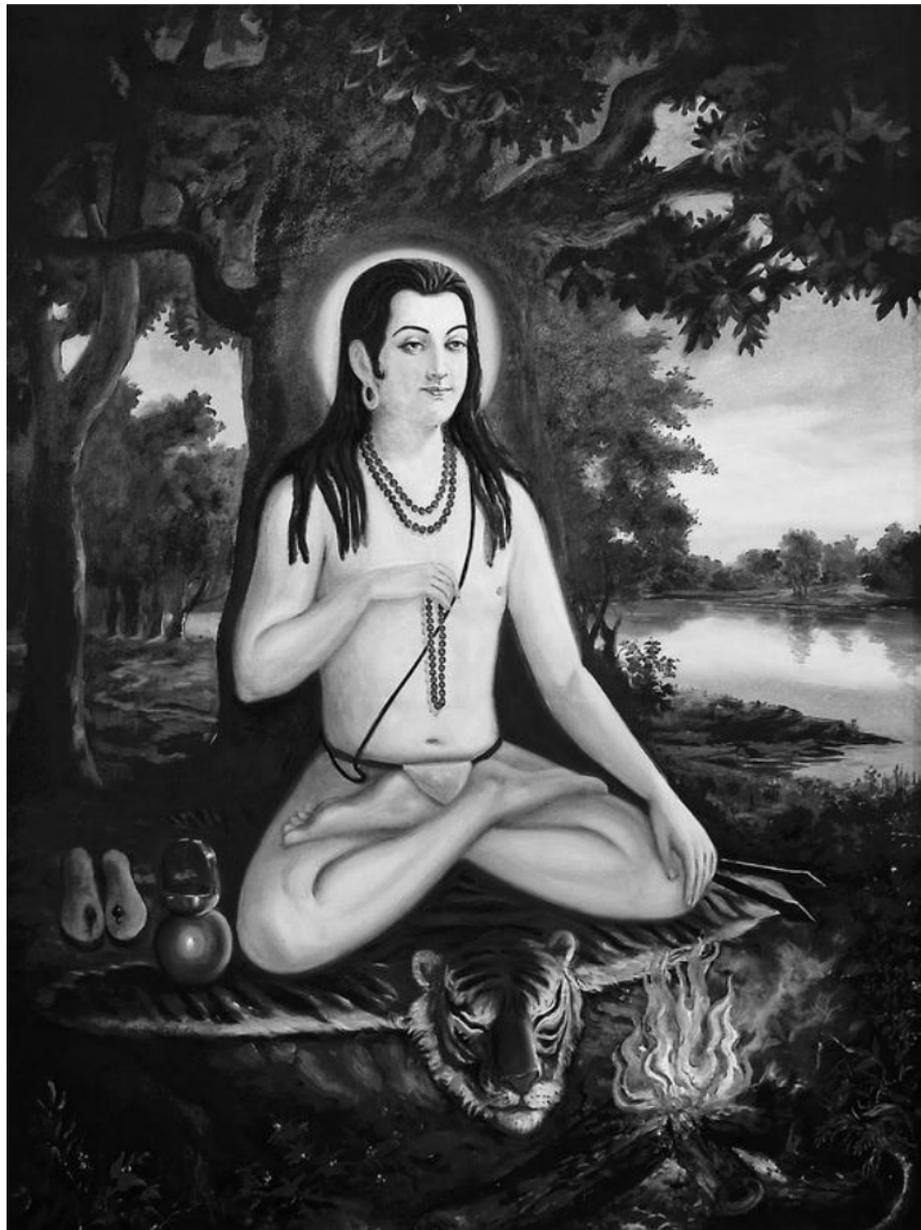
Прежде чем мы погрузимся в божественную *лилу* Свамиджи, нам надлежит сказать несколько слов об Ачарье Шричандре и Бабе Бхуман Шахе (которого Свамиджи почитает за своего гуру) – мудрецах, с которыми он неизменно поддерживал теснейшую духовную связь в продолжение своей *садханы*. И еще мы вкратце расскажем о духовной родословной Удасинов, к которой принадлежит Свамиджи.

Свами Прем Вивекананд

Традиция Удасинов

Удасины – один из древнейших монашеских орденов в индуизме. Этой духовной родословной, насчитывающей огромное число поколений, принадлежали многие и многие великие святые, мистики и ученые. Наиболее знаменитым из них в недавнем прошлом был Бхагаван Шричандра. Шричандра считается сто шестьдесят пятым Учителем из числа Удасинов, однако, поскольку он прославился в качестве великого йогина и сыграл исключительно важную роль в деле распространения учения Удасинов по миру, его нередко ошибочно почитают за основателя ордена. На деле же традиция Удасинов уходит своими корнями намного, намного глубже, вплоть ко времени творения самого мироздания. В священных Ведах мы имеем упоминание о четверых сыновьях Брахмы, творца этой Вселенной, родившихся из его ума: Санаке, Санандане, Санатане и Санаткумаре. Считается, что эти мудрецы жили даже еще до семи небесных мудрецов (о которых есть упоминания и в Ведах, и в других писаниях) и до великого Нарады. Об этих четырех *риши* (прovidцах) говорят, что они всегда имеют облик детей и постоянно погружены в экстаз памятования о Божественном. Облик их утонченно прекрасен и нежен. Одетые лишь в набедренные повязки, они свободно передвигаются по всей Вселенной, непрестанно повторяя великую мантру «Хари Ша-

ранам» («Я обрел прибежище в Боге»). Эти дети-провидцы пребывают в мире от момента творения и останутся тут до самого растворения Вселенной, которое называется *пра-лайя*. Самый выдающийся из них – мудрец Санаткумара, и именно он считается родоначальником и первым Учителем традиции Удасинов в индуизме. Как мы узнаем позднее, эти дети-провидцы проявили особое расположение к герою данной книги – Гурудэве. Они благословили его своей *даршаной*, наставлением и защитой.

Бхагаван Шричандра (1494–1643), сто шестьдесят пятый ачарья в линии духовной передачи Удасинов

Что касается философии, то тут Удасины следуют ведической традиции и верят в Брахмана, являющегося недвойственной Высшей Божественной Реальностью. Они верят в неоспоримый авторитет Вед, но также и в пураны. Ачарья Шричандра проповедовал в качестве средств для реализации Брахмана как практику *джняны* (знание), так и *бхакти* (преданная любовь).

В наши дни по всей Индии существуют тысячи *ашрамов* Удасинов и сотни тысяч монахов этого направления. Монахи-удасины обычно практикуют строгий аскетизм и вместе с тем известны вполне либеральным подходом. Они могут облачаться в оранжевое, черное или белое одеяние, но могут также ограничиваться набедренной повязкой, покрывая все тело священным пеплом. Некоторые обривают голову, тогда как другие отпускают волосы и носят их в виде длинных дредов, обмотанных вокруг головы, а иные выглядят как самые обыкновенные индуистские монахи. Многие из них посвящают себя бескорыстному служению обществу. Традиция Удасинов как таковая подразделяется на множество ветвей и направлений. Две главные организации, с которыми ассоциированы многие *ашрамы* Удасинов, – это «Шри Панчяти Удасин Бада Акхара» и «Шри Панчяти Найя Удасин

Акхара». Эти две *акхары*² принадлежат к числу тринадцати основных *акхар*, которые представляют различные монашеские традиции в индуизме и управляются монахами, ставящими себе за цель распространение в обществе нравственных, культурных и духовных ценностей.

² *Акхара* – это место, где живут монахи. Они обеспечены жильем и питанием, что позволяет им выполнять духовную *садхану*. У разных монашеских традиций – собственные *акхары*.

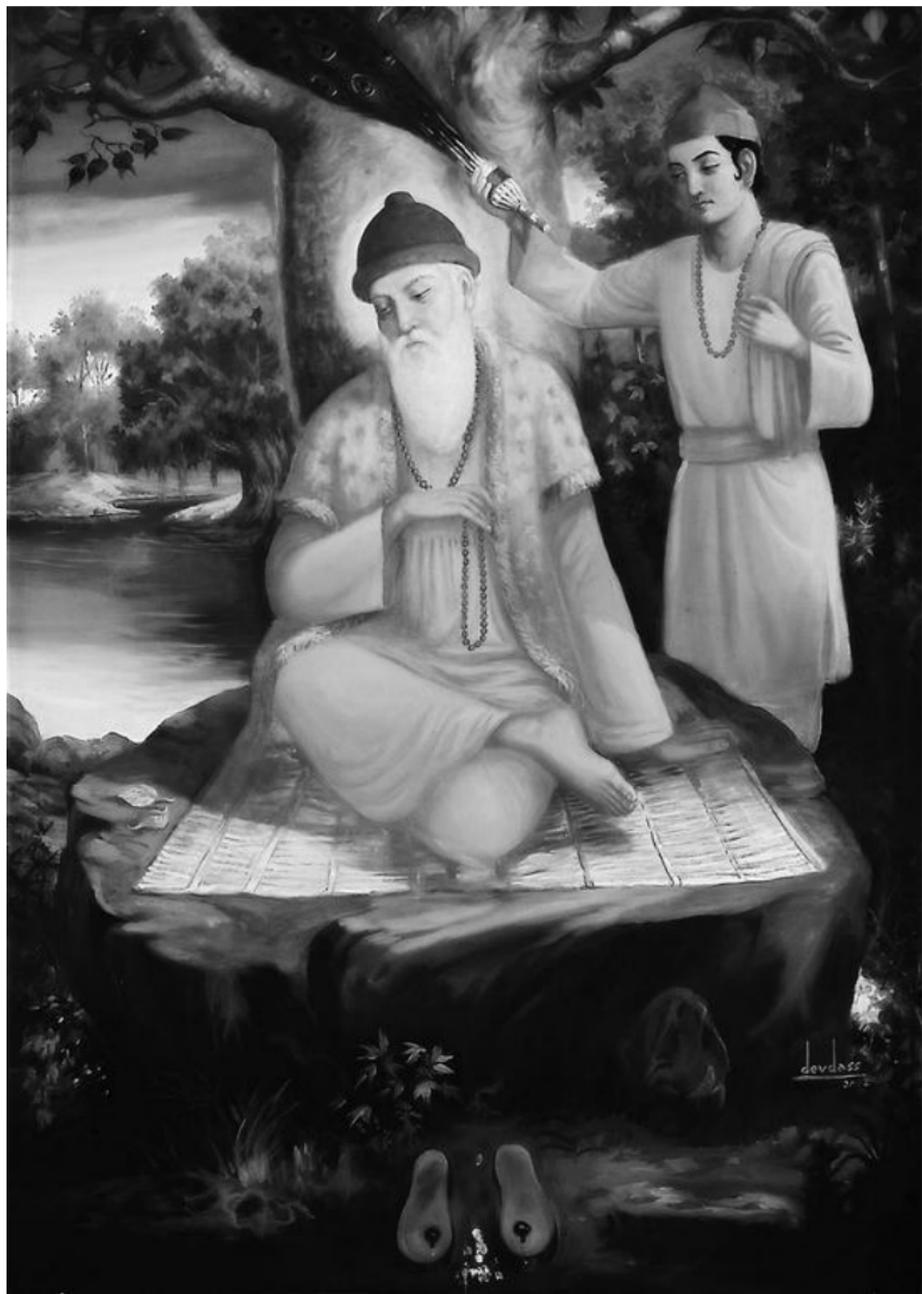
Баба Бхуман Шах

Баба Бхуман Шах – великий мистик и просветленный мудрец, возлюбленный Садгуру нашего Свамиджи. Хотя Бабаджи³ жил сотни лет назад, Свамиджи поддерживал с ним теснейшие взаимоотношения, пренебрегая любыми пространственно-временными границами. Вот что писал об этом сам Свамиджи: «Лично у меня образовалась чрезвычайно глубокая мистическая связь с Бабаджи, и все знания и озарения пришли ко мне только благодаря полной и безграничной защите, наставлениям и милости Бабаджи. Он – суть моей сути и жизнь моей жизни. Без него у меня вообще нет независимого существования. И это чувство не покидает меня никогда, ни на миг – его сладчайшей милостью».

Бабаджи был одним из многих великих реализованных просветленных святых, принадлежащих традиции Удасинов. Он – безупречный прирожденный йогин, и многие считают его воплощением Ачарьи Шричандры. Бабаджи жил в округе Монтгомери Восточного Пенджаба (нынешний Пакистан), и там до сих пор есть деревня, названная в его честь – Бхуман-Шах. Вся его жизнь была посвящена нерушимому памятованию Божественного, бескорыстному служению беднякам и нуждающимся, пробуждению людей от гипнотиче-

³ «Бабаджи» – общепринятое обращение к святым в Пенджабе (Индия).

ского сна привязанностей ко всему мирскому и преходящему. Свамиджи когда-то написал маленькую брошюрку «Зеркало блаженства» (*Mirror of Bliss*), где кратко, но содержательно описал божественную жизнь и учение Бабаджи.

Баба Бхуман Шах Удасин (1687–1747), гуру нашего Сва-
миджи

И доныне у Бабаджи есть тысячи последователей во всем мире, особенно в северных индийских штатах – Харьяне, Пенджабе и Раджастане, куда вынуждены были бежать многие его последователи после разделения страны, после чего они построили там храмы и святилища, посвященные Бабаджи.

Следующие отрывки из разных текстов, где Свамиджи писал о Бабе Бхуман Шахе, очень выразительно рассказывают о божественной связи между ними:

«С самого детства Бабаджи был одарен благословенным состоянием *махабхава*. Это редкостное и необычайно высокое духовное состояние, когда преданный Богу остается полностью погружен в высшую божественную любовь и блаженство; при этом его тело и чувства тоже обрели божественность. Соблюдая в течение всей своей жизни строгий целибат, Бабаджи проводил дни в непрестанном памятовании о Божественном и побуждал всех окружающих к таким добродетелям, как внутренняя и внешняя чистота, ненасилие, честность, справедливость, сострадательность, дружелюбие и так далее. Он был сосредоточен на размышлениях о тщетности и банальности этого феноменального мира,

а также на созерцании вечной и прекрасной природы Господа. Бабаджи был совершенным воплощением духовности. Он обладал безупречной способностью пробудить любого достойного искателя просто по собственной воле».

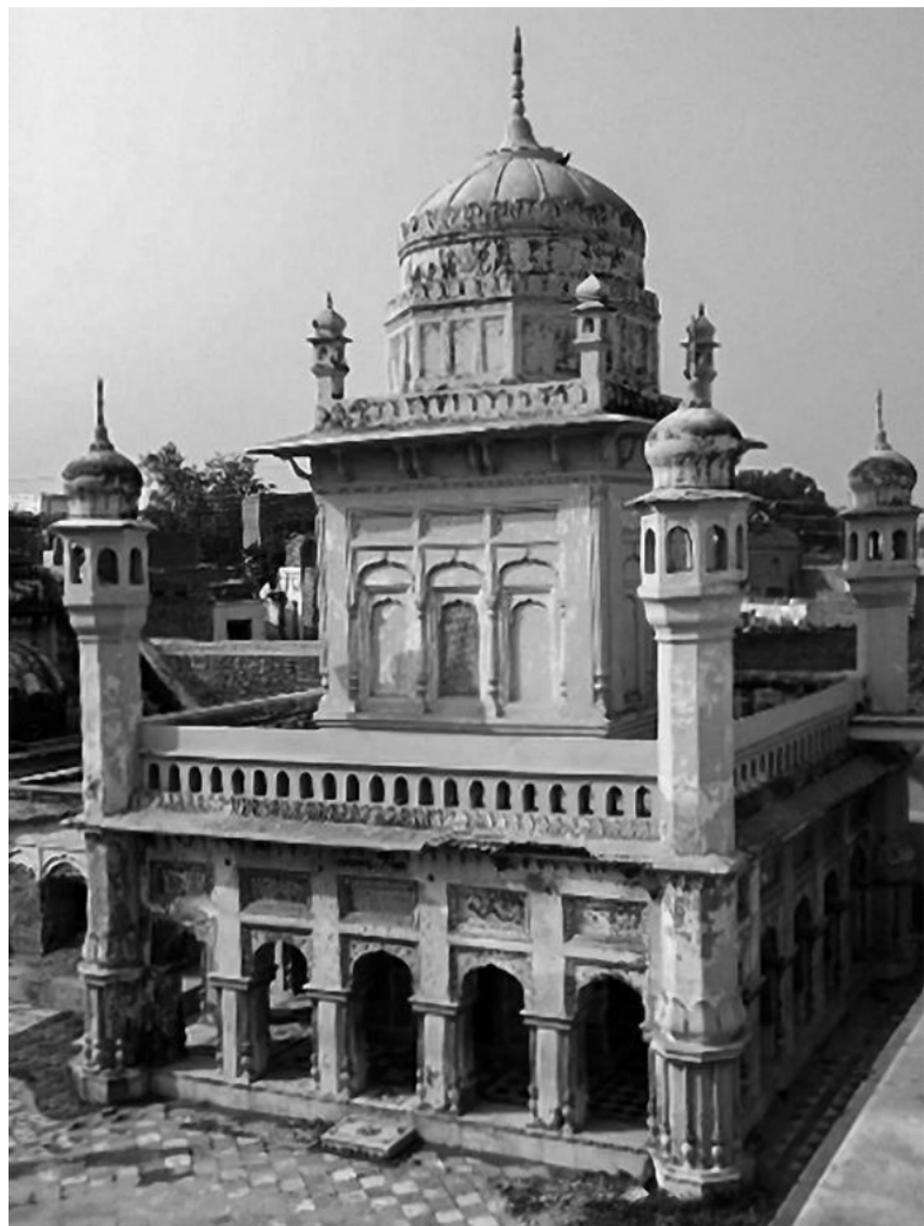
«Я – порождение Бабаджи; я стал таким, каким сделал меня он. В процессе своей *садханы* я выполнял все то, к чему побуждал меня он. Моя любовь к Богу и глубокое бесстрашие – они родились от моей любви к Бабаджи. В юности я порой плакал от любви к нему. Я всегда отчетливо осознавал его незримое присутствие, но нередко ко мне приходила и настоящая *даршана* (видение) его образа».

«Какими словами я могу передать славу и величие Бабаджи? Он для меня – все во всем. Все богатство, престиж и власть мира – ничто по сравнению с тем, что дал мне он. Все те неопишуемые дары, которые я обрел, пришли только благодаря Бабаджи. А что я не обрел – значит, не судьба. Выходит, не в моих интересах было получить это. И тут я тоже вижу беспредельную милость Бабаджи. Если мне еще суждено перерождаться, то я не смогу отдать свой долг перед ним и за тысячи жизней. И если бы я взялся писать о тех чудесах, которые произошли в моей жизни благодаря Бабаджи, у меня бы получилась книга на тысячу страниц, но никто не поверил бы во все эти необычайные события».

«Все можно реализовать милостью Бабаджи. Чего

ни попроси – получишь. А если не просить у него ничего, тогда он отдает своему почитателю себя. Его сострадание, его знание и его божественность – не знают границ».

«Если бы Бабаджи пожелал, он мог бы превратить нищего в царя и наоборот. Благодаря одному лишь его сострадательному взгляду душа очищается от любой грязи и жизнь начинает сиять божественной Любовью и Знанием. Восславим же Бабаджи снова и снова».

Святилище (усыпальница) в деревне Бхуман-Шах на территории нынешнего Пакистана. После раздела Индии в 1947 году за святилищем фактически никто не ухаживал. В 2008 году правительство Пакистана осуществило реставрацию, объявило усыпальницу местом паломничества и пригласило Шри Чандру Свами, чтобы он осуществил торжественное открытие обновленной святыни. Он приехал в сопровождении четырех десятков последователей из Индии и других стран (2012)

Пусть мы не знаем всех глубоко интимных подробностей, но приведенные выше слова ясно указывают на сущность этой благой божественной связи между Свамиджи и Бабаджи, которая длилась на протяжении многих и многих жизней. Одно только памятование об этих божественных узах освобождает искателя от нечистоты, наставляет на путь, готовит к самоотдаванию Господу и озаряет просветляющей квинтэссенцией подлинных взаимоотношений между Учителем и учеником.

Глава 1

Ранние годы

Детство и родня

5 марта 1930 года в уважаемой и благочестивой семье из деревни Бхуман-Шах (ныне в Пакистане) родился божественный ребенок. Назвали младенца Сурадж Пракаш, а впоследствии он стал известен под именем Шри Чандра Свами Удасин. Матерью этой великой души была Мата Васудэви, а отцом – Лала Рупчан. Малыш был красив – просто очарователен. У Сураджа Пракаша было два брата и одна сестра, все старше него. Его мать – единственная дочь известного в тех местах святого, который при этом был не монахом, а человеком семейным, и звали его Баба Гулаб Дасс. Одна деревня в Пакистане до сих пор носит его имя – Чак-Гулаб-Дасс. У Матаджи было семь братьев. Ее помнят как очень добрую, простую, дружелюбную и набожную женщину. И необычайно общительную. Хотя сама она происходила из достаточно зажиточной семьи, Матаджи хорошо понимала деревенских бедняков, сочувствовала им и охотно с ними общалась. Неподалеку от ее дома жили несколько семей мусульман и представителей сообщества гончаров. Они были

очень бедны. Тем не менее Сураджу Пракашу было дозволено без ограничений играть с детьми этих людей. Он свободно ходил к ним в гости и ел все, чем его угощали, не обращая внимания на кастовые ограничения. Другие дети точно так же приходили в дом к его родителям и пользовались гостеприимством.

Поскольку Мата Васудэви была дочерью святого, ее с детства интересовала религия и духовные вопросы. Она глубоко и неколебимо верила в Бабу Бхуман Шаха, Гуру Нанак Дэва и Господа Кришну. Эта женщина очень уважала брахманов и служила им, помогала чем могла. В их деревне жил один бедный брахман, которого она регулярно кормила, не менее двух раз в месяц. Она исправно постилась в дни *экадаши*, *амавасья*⁴ и другие священные дни. Наблюдая, что его благочестивая мать воздерживается в эти дни от пищи, юный Сурадж Пракаш тоже порой постился. Много лет спустя он написал: «Теперь я больше не соблюдаю пост. Но в детстве порой постился, подражая матери этого тела».

Если в деревню или в *деру*⁵ приходил какой-нибудь святой или монах, Матаджи почтительно приглашала его в свой дом, кормила и давала *дакишину* (денежное приношение). Хо-

⁴ *Экадаши* – одиннадцатый день в каждой половине лунного цикла (после полнолуния и новолуния), а *амавасья* – день новолуния. Оба дня считаются благоприятными в индуизме.

⁵ *Дера* – религиозный лагерь, центр религиозной жизни, где имеют возможность поселяться верующие и искатели. Обычно расположен близ какого-нибудь храма, усыпальницы или жилища святого.

тя в то время большинство деревенских женщин были неграмотны, Матаджи умела читать *гурумукхи*⁶ и имела обыкновение ежедневно декламировать что-нибудь из «Шри Гуру Грантх Сахиба» или из «Гиты» на языке панджаби. Свамиджи рассказывал, что и он тоже научился пользоваться *гурумукхи*, когда ему было всего лет шесть или семь. В те дни мать нередко усаживала его в семейной алтарной комнате и просила читать вслух стихи из «Гиты» и «Шри Гуру Грантх Сахиба». Сама же внимательно слушала мальчика и при необходимости поправляла произношение.

Мата Васудэви научила читать *гурумукхи* многих неграмотных женщин, которые впоследствии даже соорудили несколько *гурудвар* (культовые сооружения, где хранится «Шри Гуру Грантх Сахиб» для совершения священных ритуалов). Она и сама отвела под такое храмовое помещение одну из комнат в своем доме, где могли одновременно расстаться двадцать пять–тридцать человек. У одной из стен такого церемониального помещения располагался большой деревянный помост, на который почтительно возлагают «Шри Гуру Грантх Сахиб» и благородную «Гиту». Посередине располагают изображения Бабы Бхуман Шаха, младенца Кришны и Гуру Нанака Дэва. Стены храма искусно украшают прекрасными декоративными тканями. В своем домашнем хра-

⁶ *Гурумукхи* – традиционный шрифт языка панджаби. Шри Гуру Грантх Сахиб – священное писание сикхов, также почитаемое и индуистами и написанное с использованием гурумукхи.

ме Мата осуществляла ежедневные богослужения, *джану* и прочее. Там же члены семьи юного Свамиджи ежедневно участвовали в ритуале *арати* и пели религиозные песни, а сам он аккомпанировал на барабане. Свамиджи рассказывал, что его мать особенно глубоко верила в силу *джаны* и помногу выполняла *джану*, перебирая *мала* (четки). Она всегда держала четки у своей подушки – эту манеру Свамиджи перенял именно у нее и сохранил до сих пор. Много-много раз Сураджд Пракаш видел, как мать до позднего вечера сидит на кровати и выполняет *джану*, перебирая *мала*. Как-то раз он отметил: «Ныне, с высоты своего опыта, я уже могу сказать, что она была очень продвинутой *садхакой*. А в то время я этого не понимал».

Мата Васудэви покинула свое тело в 1948 году, после непродолжительной болезни. Свамиджи рассказал нам, что после того он много раз еще виделся с матерью во снах, а несколько раз и во время медитации. Воистину, жизнь Маты Васудэви – образец безупречной индийской семейной женщины, пример того, как женщина может, должным образом выполняя все обязанности по дому, в то же время двигаться путем духовного роста – благодаря силе простоты, сердечной чистоты и преданности Богу.

А теперь скажем несколько слов об отце Свамиджи, почтенном Лала Рупчанде. Это был красивый, высокий, ладно сложенный мужчина с прекрасным характером. Говорят, в молодости он отличался огромной физической силой и его

очень уважали все борцы-мусульмане в округе. А еще он слыл свободомыслящим человеком и при этом очень скромным. Образованные люди тогда были редкостью в тех местах. Он же окончил школу DAV⁷ в Лахоре⁸.

Сразу после выпускных экзаменов Лала получил соблазнительное предложение поступить на службу в полицию, сразу на офицерскую должность, – хорошо оплачиваемая и уважаемая работа. Однако тогдашний управляющий *дерой* в Бхуман-Шахе, Махант Харбхаджан Дасс, отказался отпустить молодого человека. И сам Лала со своей стороны тоже изъявил желание служить своей *дере*, предпочтя это дело карьере полицейского, которая не обещала ничего, кроме денег, уважения и высокого положения в обществе. Как сказал Свамиджи: «Папа полностью посвятил свою жизнь *дере*. Он обладал всеми административными полномочиями и фактически управлял *дерой*, служа ей верой и правдой. Он пристально следил за всеми сторонами жизни общины. Очень выдающийся человек, известный по всей округе. Даже начальник полиции не смел арестовать кого бы то ни было в тех местах, не посоветовавшись вначале с ним. Так он и служил *дере* до своего последнего вздоха – с непревзойденной преданностью и рвением».

⁷ DAV – неправительственная образовательная организация, насчитывающая более 800 школ, более 75 колледжей и один университет в Индии и за ее пределами. – Прим. перев.

⁸ Речь идет о десятилетнем образовании – очень высокий уровень для деревенских жителей того времени.

Шри Лала Рупчанд. Отец Свамиджи

Свамиджи рассказывал, что после шестидесяти лет состояние ума его отца кардинально переменялось: его вера в Бога обрела новую силу и насыщенность. Он был глубоко предан Гуру Нанаку Дэву и ежедневно посещал *гурудвару*. Будучи мягким и щедрым человеком, он охотно занимался благотворительностью, порой даже давал больше, чем в действительности позволял его достаток. Хотя, в отличие от своей жены Васудэви, он уделял *садхане* не так много времени, тем не менее его вера была очень глубока, пусть и не слишком проявлялась внешне. Ему в своей жизни довелось не раз попадать в очень сложные ситуации, однако он всегда встречал их мужественно и отважно – и продолжал служить святилищу Бабаджи с неизменным рвением и преданностью. После разделения страны он вместе с многими другими людьми переехал в Индию, где продолжил служение своей *дере*. Его сердце перестало биться в 1981 году.

Праведные жизни этих благочестивых и преданных людей – родителей Сураджа Пракаша – оставили неизгладимый отпечаток на сознании сына. Несомненно, именно необычайная праведность этой благородной пары послужила причиной того, что Божественная Сила направила столь высоко развитую душу именно в эту семью для рождения.

Вся деревня Бхуман-Шах фактически принадлежала *дере* Бабаджи, и семья Лала Рупчанда тоже жила в этой деревне. У

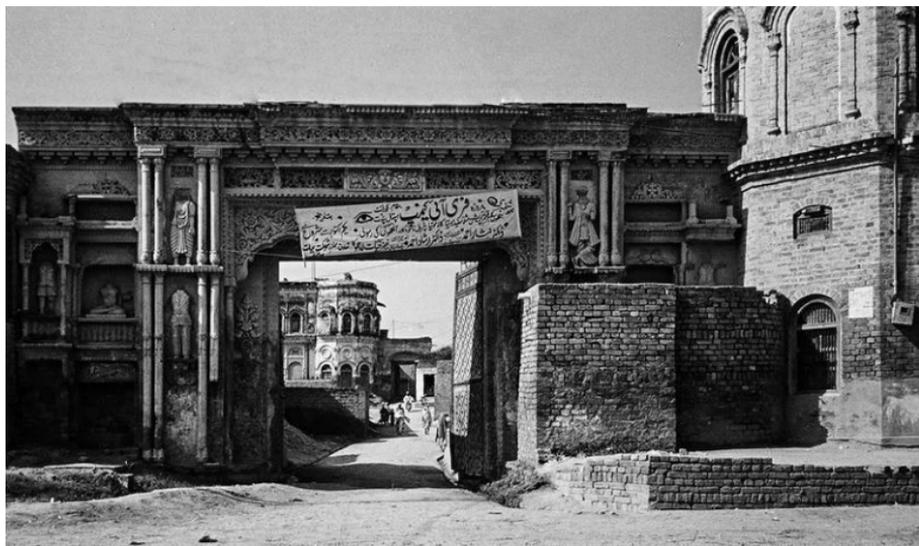
них был двухэтажный дом, большой и просторный. На первом этаже располагалась кухня и пять или шесть комнат. Во дворе стоял ручной водяной насос. Свамиджи вспоминает: «Во всей деревне было только две ручные водокачки. Одна – в нашем доме, а другая – в доме моего дяди по материнской линии. Кроме того, мой отец установил такую же водокачку на окраине деревни, чтобы воду могли набирать все жители».

На втором этаже было две комнаты. Хотя дом был выстроен из простого глинобитного кирпича, межэтажные перекрытия были очень прочными. Каждый второй год дом штукатурили снаружи смесью из глины и коровьего навоза, а внутри белили. В комнатах было полным-полно разных красивых вещей. Напротив дома стояло еще одно здание на пять или шесть комнат. Это был склад, где хранилась пшеница, хлопок и прочее.

Отец Маты Васудэви, Баба Гулаб Дасс, оставил за дочерью участок земли в своей деревне, в нескольких километрах от Бхуман-Шаха, и с этого участка они собирали немало зерна для своей семьи. Кроме того, Лала сдавал фермерам в аренду собственные земельные участки в соседних деревнях – еще один источник дохода. Свамиджи до сих пор помнит, что к ним домой поступало из *деры* по двенадцать литров молока по утрам и двенадцать по вечерам. Помимо того, семья владела быками и коровами, за которыми присматривали слуги. Когда при разделении Индии им пришлось бежать из стра-

ны, на их складе хранилось около 120 квинталов⁹ пшеницы и другие ценности. Семья была довольно зажиточной и пользовалась уважением в обществе.

В то время население Бхуман-Шаха составляло около пяти тысяч человек. Хотя *дера* во многих отношениях заботилась о жителях, однако в целом деревня жила бедно. Около семидесяти процентов селян были индуистами, и около тридцати – мусульманами. Люди жили бок о бок в согласии и дружбе. Оглядываясь на те времена, Свамиджи часто вспоминает: «Тогда индуисты и мусульмане жили как братья. В детстве многие мои друзья были мусульманами».

Главные ворота *деры* Бабаджи в Бхуман-Шахе (1982)

⁹ 1 британский квинтал равняется 50,8 кг. – Прим. перев.

Пруд в Бхуман-Шахе, где в детстве купался и плавал на лодке с друзьями Сурадж Пракаш (1982)

Один из друзей детства Свамиджи – ныне покойный Мехди Хасан – впоследствии стал всемирно известным певцом, исполнявшим *газал*. Свамиджи вспоминает: «Был еще такой знаменитый певец Мохаммед Али. Работал в классическом репертуаре. Он приходился Мехди Хасану дядей и жил в Бхуман-Шахе. Частенько выступал на Всеиндийском радио. Я тогда был очень мал. Он любил меня, как родного сына. Я частенько захаживал к ним в гости – дружил с его

внуком. Мы вместе учились в школе Бхуман-Шаха вплоть до четвертого класса. Нередко после школы мы отправлялись напрямиком к ним домой, и меня там кормили».

Приведу еще несколько воспоминаний Свамиджи о раннем детстве, которые он записал собственноручно. Эти картинки дают нам очень ясное представление о жизни деревни, где он провел детство.

«Когда я был ребенком, транзисторных радиоприемников еще не существовало. На всю деревню Бхуман-Шах был лишь один радиоприемник, принадлежавший Маханту¹⁰. А у нас дома был граммофон. Вся округа собиралась у нас по вечерам, чтобы послушать пластинки. Больше всего у нас было записей *бхаджанов* — религиозных песен. Одного из исполнителей звали К. Л. Сайгал. Граммофон нужно было заводить при помощи ручки».

«Однажды в детстве я отправился в ближайший город в кино. Актеры тогда еще не говорили. В те дни они общались со зрителем при помощи жестов и мимики. В кино повел меня старший брат. Шел 1939 год».

¹⁰ Махант – духовное (религиозное) звание, которое дается главе ашрама или *деры* в некоторых направлениях индуизма. В данном случае Свамиджи говорит о Маханте Гирдхари Дассджи – десятом преемнике в духовной династии Бабы Бхумана Шахджи.

«В Бхуман-Шахе был большой пруд. Со всех сторон к воде вели ступени – очень похоже на то, что мы видим возле Шри Хармандир-Сахиба в Амритсаре. Пруд был большой и глубокий, но без храма. По берегам росло много фикусов и было сооружено пять или шесть беседок. И еще неподалеку стоял насос-водокачка. В разгар лета там было не так жарко. Вода в пруд поступала из оросительного канала. Очень красивый пруд. Там была лодочка, принадлежавшая *дере*. Мы частенько ходили туда с друзьями, чтобы искупаться или поплавать на лодке. А еще в пруду обитали огромные рыбы. В детстве я ел мясо... таковы уж обычаи в той местности. Однажды я поймал в пруду большую рыбу, но при виде того, как мучительно она извивается и бьется от боли и ужаса, сердце мое переполнилось состраданием, и я выпустил ее обратно в воду. С того дня я отказался от мяса. Мне было лет тринадцать или четырнадцать. А мама моя мяса не ела никогда. Папа ел, но в определенный момент тоже отказался.

Несколько раз моя мама организовывала на берегу того пруда семидневные декламации „Шримад Бхагавата-пураны“¹¹. В этих мероприятиях принимали участие многие индуисты из нашей деревни».

¹¹ «Шримад Бхагавата-пурана» – одно из важнейших древних писаний индуизма. В книге содержится глубокая проповедь духовности в форме вдохновляющих историй, включая божественные лилы Господа Кришны. Кроме того, представляет собой важный исторический текст, дающий бесценную информацию о социо-религиозной системе индуизма в древности.

«Мне рассказывали, что несколько раз отец и мать этого тела ездили в паломническую поездку в Харидвар и останавливались в „Нараян Нивасе“ в Канкхале (Харидвар). Говорят, однажды моя мать ездила в Харидвар на Кумбха Мелу. Я тогда был очень мал. Я потерялся в толпе, и нашли меня только вечером».

Итак, насладившись воспоминаниями Сваמידжи о детстве, мы теперь вернемся к его благочестивой семье. В семье существовала освященная временем традиция глубоко чтить святых. Первым членом семьи, поселившимся в деревне Бхуман-Шах, был прадед Сураджа Пракаша по отцу – Лала Лакшман Дасс. До того он жил округе Музаффарпур в Мултане (Западный Пенджаб) и занимался оптовой торговлей финиками. Однажды он по своим торговым делам ехал из Мултана в Лахор. В поезде он услышал о величии и великолепии усыпальницы Бабы Бхуман Шаха, а также о Маханте Бабе Харбхаджан Дассе, девятом учителе духовной династии Бабы Бхуман Шаха. Лала Лакшман Дасс ценил и любил святых. Он вышел на железнодорожной станции близ Хавели-Лаккхи и пошел пешком в деревню Бхуман-Шах, чтобы получить *даршану* Маханты. Божественность святого произвела на него глубочайшее впечатление, и он решил остаться с ним на несколько дней. За это время он проникся искренней любовью к Маханту, принял его в качестве своего ду-

ховного Учителя и решил перебраться в Бхуман-Шах, чтобы быть поближе к возлюбленному Наставнику и служить ему. Он вернулся в Музаффарпур, закрыл магазин, свернул весь свой бизнес, решив, что он уже успел заработать достаточно, чтобы обеспечить семью, и перебрался с женой и детьми в Бхуман-Шах.

Глядя со стороны, мы теперь можем догадаться, почему Свамиджи выбрал именно эту семью для завершающего этапа своего великого духовного путешествия. Ведь если окинуть взглядом всю картину, Лала Лакшман Дасс очень давно посеял первые семена преданности Бабе Бхуман Шаху в этой семье. И вот теперь, благодаря нашему Свамиджи, эти семена превратились в огромное дерево баньян, которое бурно разрослось, раскинув свои ветви над всем миром. Сегодня в мире насчитываются тысячи последователей Свамиджи, принявшие от него дар преданности Бабе Бхуман Шаху. В каждом человеке – из Индии или из-за границы, – который соприкасается со Свамиджи, естественным образом пробуждается и вера в Бабаджи.

Детские видения и духовные переживания

С самого детства Сураджд Пракаш испытывал глубокое и неземное влечение не только к Бабаджи, но также и к его *самадхи* (усыпальнице). Ребенок часами находился в *самадхи* – как влюбленный бежит к своей возлюбленной, используя для этого любой ничтожнейший повод. Он воспринимал *самадхи* как грубую форму Бабаджи и отчетливо ощущал там присутствие святого. Невинный деревенский мальчик отчетливо ощущал, что и сердцевина его собственного существа находится не в нем самом, а в *самадхи*. И эта непреодолимая тяга была чрезвычайно естественной и спонтанной, словно романтическая любовная связь, пронизывающая многие и многие жизни. Фактически именно эта глубочайшая любовь к Бабаджи позднее преобразовалась в ту наивысшую форму духовности, которую демонстрирует ныне Свамиджи. Свамиджи сказал: «В детстве у меня не было особого интереса к Богу как таковому. Несомненно, у нас дома царила атмосфера религиозного благочестия, и нередко к нам заходили святые, с которыми мне доводилось общаться. Но глубокое бесстрастие [по отношению к миру] и любовь к Богу, которые проявились у меня позднее, были основаны на моей любви к Бабаджи. Что бы ни произошло в этой моей жизни – произошло только благодаря его любви».

Учитывая некоторые случаи, описанные ниже, мы можем уверенно заключить, что этот ребенок от рождения обладал необычно высокими духовными задатками. К нему совершенно непринужденно приходили такие необычайные духовные переживания, какие бывают не у всякого продвинутого *садхаки*.

Представляем вашему вниманию диалог на эту тему, который состоялся между Свамиджи и автором этой книги. Здесь вы обнаружите целый ряд очень важных фактов. Конечно, как это бывает обычно, вопросы были заданы устно, а свои ответы Учитель записывал на бумаге.

Свами Прем Вивекананд (СПВ): Расскажите нам что-нибудь о духовных переживаниях, которые были у вас в детстве.

Свамиджи: В детстве ко мне часто приходило ощущение, будто я летаю высоко в небе, поднимаюсь все выше и выше. Мне очень нравилось это переживание, но порой возникало чувство, что меня тянет вниз. И тогда приходилось предпринимать немалое усилие, чтобы продолжить полет. В детстве такое бывало достаточно часто. В то время я никогда не задавался вопросом, почему это происходит. Ощущение полета в небесах возникает тогда, когда *прана* (жизненная сила) быстро устремляется к высшим центрам. Это весьма распространенное переживание у *садхак*. Либо бывает,

что в результате восхождения *праны садхака* ощущает, как будто бы его тело поднимается из *асаны* (сидячей позы) во время медитации. Помимо этого, порой я чувствовал дрожь во всем теле из-за того, что меня охватывали *саттвические* эмоции – любовь, сострадание и так далее. Такое происходит либо в результате активизации *праны*, либо же из-за того, что тело переполняется эмоциями. Например, от избытка любви по коже идут мурашки, а от гнева тело начинает дрожать.

СПВ: Говорят, что в детстве вам часто являлись в видениях просветленные святые. Чаще всего Бабаджи.

Свамиджи: Да. Однако, помимо Бабы Бхуман Шаха, мне в детстве никогда не являлись святые-современники. Порой ко мне приходил в видениях ребенок Кришна. Но теперь у меня остались лишь смутные воспоминания об этом. Такого рода видения могут приходиться не только во время медитации, но и в бодрствующем состоянии.

СПВ: Как влияют на человека такого рода видения?

Свамиджи: Они дают ощущение радости. Сам вид святого оказывает очистительное воздействие на ум. Ты вступаешь в соприкосновение с их тонкими священными вибрациями. Их влияние на подсознание даже еще глубже. Ты как

будто бы пьешь молоко: ты не знаешь в подробностях, как оно действует на твое тело, однако ощущаешь прилив сил и насыщение.

Однажды автор этих строк попросил Свамиджи, чтобы тот заполнил видимый пробел в его *садхане*. Из наблюдения за жизнью Свамиджи возникает ощущение, что он сознательно начал *садхану* только в семнадцатилетнем возрасте, после того как получил посвящение в *мантру*. Таким образом, мы видим значительный пробел между *садханой* его предыдущей жизни и *садханой* нынешней жизни. Свамиджи дал очень красивое объяснение этому обстоятельству:

«*Самскар*ы (семена впечатлений) могут проявиться в любой момент. До пятнадцатилетнего возраста ум Раманы Махарши не посещала ни одна мысль о духовности. Но в пятнадцать лет, когда он читал в „Шива-пуране“ о горе Аруначале, в нем пробудились и вышли на поверхность прошлые *самскар*ы. Можно ли назвать „пробелом“ ситуацию, когда никакие признаки роста не видны на поверхности? Эволюция происходит как на сознательном уровне, так и на подсознательном. Когда она протекает на уровне сознания, мы отчетливо видим внешние признаки. Но пока семя развивается под землей, мы не наблюдаем ничего. Росток становится виден лишь после того, как проклевывается из-под земли. Можем ли мы сказать, что он совсем не рос, пока

находился под землей?

Если человеку являются в видениях святые и с ним случаются другие духовные переживания без каких бы то ни было усилий с его стороны, это служит ясным подтверждением присутствия прошлых *самскар*, даже если он сам не в состоянии понять или истолковать эти видения. Отнюдь не у каждого человека единственной целью жизни становится реализация Бога. А если это с кем-то происходит, то нужно предположить, что его корни и истоки не таковы, как у других людей. Как многие черты и особенности тела становятся очевидны только после достижения человеком определенного возраста – половое созревание, – так и прошлые *самскар* активизируются и проявляются только после того, как тело-ум созреет до определенного минимального уровня. К тому же, помимо *самскар*, которые достались из прошлых жизней, на тело-ум души влияет также общая атмосфера в семье и индивидуальные особенности отца и матери».

Итак, мы видим, что такого рода духовные переживания были с самого детства совершенно естественны для Сураджа Пракаша. Хотя он и не мог истолковать их умом, однако глубоко в душе с радостью ощущал их блаженное целительное воздействие. В данном контексте Свамиджи писал:

«И совсем не обязательно, что ваш грубый ум будет осознавать такого рода воздействия. Грубый ум редко

осознает духовный рост. Вы понимаете, что произошло, лишь тогда, когда ум задним числом проанализирует произошедшие с вами перемены, их воздействие на вашу жизнь и должным образом истолкует все это. А ребенок не в состоянии провести такой анализ».

В ответ на вопрос, были ли у него переживания другого рода, Свамиджи написал:

«В детстве я заранее знал некоторые грядущие события. Помню один случай. Я учился тогда в школе – класс восьмой. Папа отправился в Лахор. Там он купил велосипед и отправил его домой поездом. Он ни с кем не обсуждал заранее свой план приобрести эту вещь. В одиннадцать утра мне пришло извещение с железнодорожной станции, и я забрал посылку... Но дело в том, что еще раньше тем же утром, часа в четыре, перед моим внутренним взором отчетливо прошла вся череда событий, связанных с этим велосипедом, включая его транспортировку домой с железнодорожной станции. Я был просто поражен – и все спрашивал себя, как и почему это произошло! Во многих случаях я заранее знал, что наш дом посетит тот или иной человек, и порой предупреждал родителей о приходе гостя задолго до его появления».

В детстве Сурадж Пракаш был застенчив и в то же вре-

мя шаловлив по натуре, но также и глубоко духовен. Сам Свамиджи писал: «Учиться мне было неинтересно. Я интересовался только играми и религиозными действиями, которые мне полюбились под влиянием мамы. Бывали периоды, когда я ежедневно утром и вечером ходил в *самадхи*, где проводился ритуал *арати*. Там, скрывшись от посторонних глаз в каком-нибудь укромном уголке, я жаждал медитировать. Нередко, поднявшись чуть свет, я отправлялся для медитации в *самадхи* Бабы Даршан Дасса, пятого Маханта из духовной родословной Бабаджи, потому что там было менеелюдно, чем в *самадхи* Бабы Бхуман Шаха, куда ходили для поклонения многие верующие. Иногда я чувствовал там некое таинственное присутствие, как будто кто-то ко мне прикоснулся. Поначалу мне бывало страшно, потому что там царила беспросветная тьма – не видно решительно ничего. Но при этом казалось, будто в помещении кто-то ходит, до меня доносился звук шагов. Однако по мере того, как я становился старше, страх понемногу таял. Порой в процессе медитации мое сознание отключалось, и я ощущал великое блаженство. Сознание возвращалось лишь тогда, когда несколько позднее утром в *самадхи* приходил священнослужитель и открывал дверь в *пуджа-арати*. В те дни я учился классе в четвертом или в пятом».

Помимо всего описанного выше, в детстве к Сураджу Пракашу также часто приходили в видениях Баба Шричандра и Баба Бхуман Шах. Вот что он рассказал нам сам:

«Внутреннее ощущение тесной связи с Бабой Бхуман Шахом было у меня постоянно, однако временами я видел его воочию – глазами. Вместе с тем я никогда не медитировал на него намеренно. Когда человек постоянно осознает присутствие другого человека, ему не нужно практиковать медитацию на него. Ведь в чем смысл медитации? Именно в осознании».

Святилище-самадхи Бабы Бхуман Шаха (1982)

Внутреннее святилище усыпальницы Бабаджи (1982), куда часто заходил Сурадж Пракаш ранним утром, чтобы принять участие в *арати*

А сейчас мы хотим рассказать еще об одном показательном случае из жизни Свамиджи, о котором мы узнали из его же записей. В деревне Бхуман-Шах жила одна пожилая вдова по имени Мата Джйоти из числа камбоджей. Мата Васудэви, мама Сураджа Пракаша, научила ее читать *гурумукхи*, после чего она сама обучила чтению многих детей – преимущественно из общины камбоджей. Она соорудила специальное алтарное место у себя дома, где лежал экземпляр «Шри Гуру Грантх Сахиба». Поскольку Мата Джйоти была частой гостьей в доме Сураджа Пракаша, мальчик стал ей как сын и частенько играл у нее на руках. Пожилая женщина была очень чиста сердцем и предана. Она нередко говорила мальчику: «Смотри-ка, когда, укладывая Бабаджи¹² спать, я обмахиваю его веером, мне никогда потом не бывает жарко ночью».

¹² Имеется в виду святое писание «Шри Гуру Грантх Сахиб», которое воспринимается как живой гуру.

Святилища-*самадхи* других Махантов из духовной родословной Бабаджи. Сурадж Пракаш нередко медитировал рано по утрам в *самадхи* пятого Маханта Бабы Даршан Дасса – крайний купол слева на этом снимке (1982)

Во время разделения страны, когда ей пришлось бежать из Пакистана, женщина бросила в оставленном доме все свои пожитки и забрала только «Шри Гуру Грантх Сахиб» – несла книгу на голове. Вот какова была вера этой женщины и ее уважение к святому писанию. Переехавшись в Индию, она собственноручно построила *гурудвару* из глинобитного кирпича километрах в пяти или шести от города Сирсы, штат Харьяна, и деревенские жители выполняли там *пуджуара-*

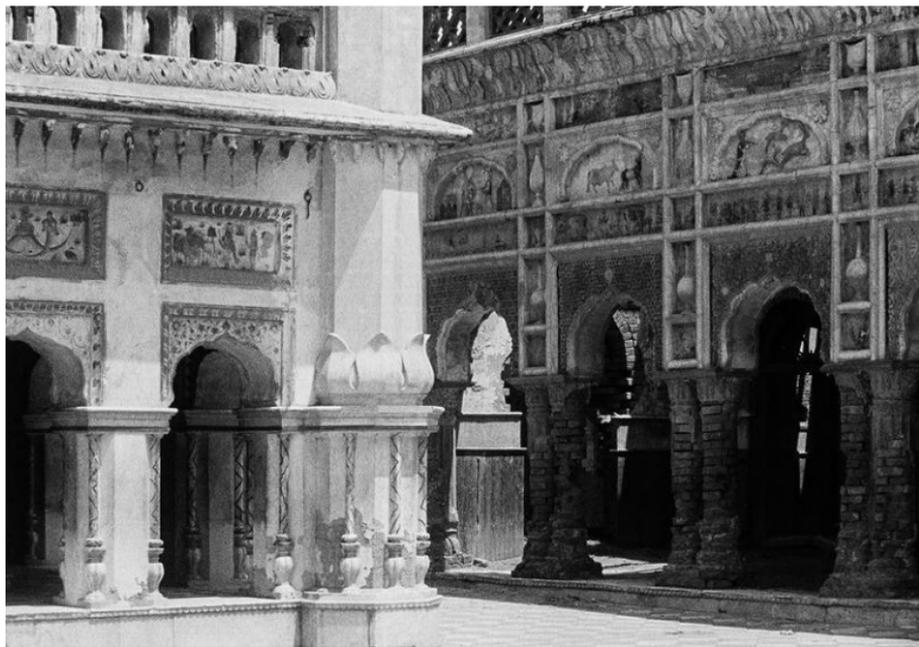
ти.

Много лет спустя, в 1951–1952 годах, когда, погрузившись в глубокое бесстрашие, Свамиджи бросил учебу и вернулся из Дехрадуна в деревню Бахауддин, к Маханту Гирдхари Дассу, он однажды сопровождал отца Маханта в упомянутую выше деревеньку, где жила Мата Джйоти в своей *гурудваре*. Далее приведем текст самого Свамиджи.

«Мата очень меня любила и была рада встрече. Она стала нежно вспоминать эпизоды из моего детства. В частности, она рассказала, что после рождения я целый месяц не открывал глаза. Они с мамой боялись, что я просто-напросто слеп от рождения. Мама строго-настрого запретила Мате Джйоти кому-либо об этом рассказывать, чтобы по деревне не поползли слухи о предполагаемой слепоте... Ведь мама не оставляла надежду, что я все же открою глаза. Мата Джйоти рассказала мне, что я действительно открыл глаза ровно через месяц после рождения. Далее она отметила с огромной убежденностью: „И вот теперь, видя, сколь велики твое бесстрашие и твоя преданность Богу, я могу уверенно сказать, что в течение того месяца ты пребывал в состоянии глубокого *самадхи*!“»

Мы с благоговением размышляем о том, насколько глубоко и непоколебимо Свамиджи был укоренен в Божественном в своей предыдущей жизни, если это божественное состоя-

ние настолько отчетливо проявилось в нынешнем рождении. Возможно, ради того, чтобы тело-ум новорожденного получило возможность развиваться и сделаться подходящим инструментом для достижения духовной вершины, проявления божественности должны были немного приглушить свою интенсивность на внешнем уровне.

Колонны святилища-*самадхи* и расположенный рядом с ним Дарбар-холл. На обоих зданиях частично сохранилась искусная резьба и настенная живопись (1982)

Школьные годы

После того как Сурадж Пракаш окончил четыре класса в маленькой деревенской школе в Бхуман-Шахе, его отправили для дальнейшего обучения в деревню Хавели-Лаккха, располагавшуюся приблизительно в восьми километрах от Бхуман-Шаха, там была единственная школа в округе, где преподавали английский язык. В Хавели-Лаккхе Сурадж Пракаш жил в общежитии и попадал домой только по воскресеньям и на праздники.

В школьные годы он очень увлекался спортом. В целом он был стеснительным, но уравновешенным мальчиком. При этом было у него одно необычное качество – в отличие от своих ровесников, он не привязывался сильно ни к чему и ни к кому, даже к родственникам, включая мать и отца. И Бабаджи каким-то мистическим образом милостиво поспособствовал тому, чтобы после окончания четвертого класса Сурадж Пракаш никогда больше не жил в семье сколько-нибудь продолжительное время. Так Сам Господь готовил почву для глубокого бесстрастия, которое позднее в полную силу проявилось в жизни Его возлюбленного дитяти.

Когда Сурадж Пракаш немного подрос, он очень полюбил волейбол. Он сам рассказывал о том, как его увлеченность спортом порой становилась причиной проблем: «Когда мне было тринадцать лет, я учился в восьмом классе и жил в об-

щежитии в Хавели-Лаккхе. Я очень любил спорт. В то время мне одинаково нравились футбол и волейбол. В общежитии ужин готовили рано, потому что электричества не было. Я же постоянно ходил в спортивные секции, а поэтому возвращался уже довольно поздно вечером. Старший брат этого тела тоже жил в том же общежитии. Ему было поручено сохранять для меня порцию еды, потому что футбольное поле располагалось довольно далеко и я попадал в свою комнату уже затемно. Как-то раз он очень рассердился и сурово шлепнул меня за то, что я каждый день прихожу так поздно».

Помимо спорта, Свамиджи увлекался игрой на флейте. Когда ученики отработывали физические упражнения, кто-нибудь из школьников отбивал ритм на барабане, а Сураджд Пракаш играл на флейте. Когда мы спросили у Свамиджи, не занимался ли он также и пением, он с улыбкой покачал головой: «Я был очень застенчив от природы. Однако я пытался научиться игре на фортепьяно... даже разучил две песни из фильмов».

Некоторое время назад мы связались с Шри Джамной Дассом Гумером из Желалабада (Пенджаб). В детстве он дружил со Свамиджи – они были знакомы с 1945 года, когда оба учились в государственной школе в Хавели-Лаккхе. В десятом классе они жили в одной комнате в общежитии, так что Джамна Дасс имел возможность наблюдать Свамиджи с очень близкого расстояния. Джамна рассказал, что ему очень нравился этот красивый и невинный парень – Сураджд

Пракаш. В то время общежитием заведовал некий Сардар Кесар Сингх. Этот человек любил философию и был необычайно чист душой, и он тоже искренне полюбил Сураджа Пракаша. Возможно, он уже тогда разглядел в этом юноше нечто особенное.

Во время летних каникул Сурадж Пракаш дважды приглашал своего друга Джамну Дасса к себе в гости в деревню Бхуман-Шах, и во время этих визитов они жили в гостевом домике *деры*. Этот домик назывался «Бурдж». Там к ребятам выказывали особое отношение, даже еду готовили особую. Сурадж Пракаш показал своему другу всю огромную *деру*, а также окрестности. В те дни *дера* была воистину огромна, только в ее конюшнях содержалось около сотни лошадей. Сурадж Пракаш был искусным наездником, он частенько путешествовал между родной деревней и Хавели-Лаккхой на коне.

Еще одна замечательная черта Сураджа Пракаша – врожденная жизнерадостность. Он всегда выглядел счастливым. Господь Кришна сказал нам, что «внутренняя жизнерадостность» – это неизменная черта йогина, и развивается она только лишь в результате полного уничтожения привязанностей, жадности, зависти, эгоизма и так далее. Такой настрой был совершенно естественным для Сураджа Пракаша. Кроме того, у него абсолютно не было привязанности к вкусной еде. Если ему из дому передавали какое-нибудь особенное лакомство, он с удовольствием делился с друзьями.

Следующая цитата дает нам представление о том, как Свамиджи жилось в общежитии в тот период. До сегодняшнего дня у Свамиджи сохранился маленький шрамик вверху на правой стороне лба. Когда мы спросили, где и при каких обстоятельствах он этот шрам получил, Свамиджи написал: «В то время я учился в десятом классе школы в деревне Хавели-Лаккха и жил в общежитии. Однажды ночью разразилась ужасная гроза, а мы как раз спали на открытой веранде. Ученики вместе с кроватями и матрасами стали перебираться внутрь – на закрытую веранду. Когда я укладывал матрас на кровать, рядом стоял другой ученик, удерживая свою кровать в вертикальном положении. Кровать выскользнула у него из рук и, падая, стукнула меня ножкой по лбу. Рана стала обильно кровоточить. Друзья принесли глины, приложили ее к ране и повязали какой-то тряпочкой. Утром меня отвезли в больницу, где сделали нормальную перевязку».

Учитель пенджабского языка Гьяни Дилип Сингх особенно полюбил этого обаятельного мальчишку. В десятом классе только шесть из двадцати пяти учеников сумели сдать экзамены, и в их числе были наши два друга. Свамиджи рассказывал, что Джамна Дасс был очень прилежным учеником. А Джамна Дасс поведал нам, что, хотя Сураджд Пракаш имел природную склонность к спорту, он также был очень проницателен и умен. При этом он мало сидел над книгами. Для того чтобы сдать экзамены, ему было достаточно тех знаний, которые он усвоил на уроках, а после школы Сураджд делал

уроки редко.

Нам поведали, что Сурадж Пракаш очень любил кино. Это обычное дело для детей его возраста. Необычно то, что всякий раз, когда на экране шла любовная сцена, юноша начинал плакать от любви к Бабаджи – прямо посреди зрительного зала. Прочная сеть мирских иллюзий и соблазнов, которые принимают столь разнообразные формы, так и не смогла пленить ребенка Бабы Бхуман Шаха. Все, чего добились эти силы, – лишь пробудили в нем бесстрастие и божественную любовь.

Так что детство Сураджа Пракаша сопровождалось высокими духовными переживаниями самого разного свойства, и они постепенно преобразовывали его изнутри, пока на внешнем уровне он жил жизнью самого обыкновенного школьника. Год за годом росла его увлеченность спортом, особенно волейболом. Таким образом, на внутреннем уровне мы видим сильный поток духовности, а на внешнем – любовь к спорту, и обе эти склонности прекрасно сочетались между собой.

Свамиджи часто проводит сравнение между *садхакой* и спортсменом, приводя примеры сходства между спортивными упражнениями и некоторыми типичными формами *садханы*. И мы думаем, что в результате занятий спортом наш Свамиджи развил в себе целый ряд важных качеств подлинного *садхаки*. Задолго до того, как обратиться к медитации в лесах и пещерах, он в ходе спортивных тренировок приобрел

некоторые важнейшие для *садханы* навыки, такие как неотступное стремление к идеалу, полная приверженность делу, упорство, бдительность, уравновешенность ума, навыки планирования, самоотверженность, бесстрашие, сосредоточенность и так далее. Поэтому вполне естественно, что в своей уникальной манере Шри Чандра Свамиджи определяет *садхану* как процесс осознанных и целенаправленных упражнений, посредством которых человек получает доступ к своим умственным и духовным энергиям, сублимируя и применяя их для реализации собственной божественности. Он говорит, что духовное путешествие сродни долгой марафонской гонке и, подобно любой спортивной игре, оно требует, чтобы мы двигались к цели любой ценой. Целью юного Сураджа Пракаша был Бог.

После того как Сурадж Пракаш окончил десятый класс в школе в Хавели-Лаккхе, его отправили в колледж «Санатан Дхарма» в Лахоре. Его друг Джамна Дасс тоже поступил в этот колледж.

Сурадж Пракаш в шестнадцатилетнем возрасте, когда он был учеником одиннадцатого класса в Лахоре

Божественный зов

В 1947 году, когда Сураджд Пракаш приехал из Лахора домой на летние каникулы, с ним начали происходить странные вещи. Во снах его стал регулярно навещать Баба Бхуман Шах. Он стоял перед Сураджем и глядел прямо в глаза, пробуждая в юноше воспоминания об их близких духовных взаимоотношениях на протяжении многих жизней. Похоже, по мнению Бабаджи, Сураджд Пракаш наконец достаточно созрел, чтобы предпринять духовное путешествие сознательно и целенаправленно. В сознании стали потихоньку рассеиваться тучи, накопившиеся в течение прошлых жизней; проснулись многочисленные воспоминания о глубоких взаимоотношениях с Бабаджи. Сураджду Пракашу стало ясно, кто он есть и в чем цель его жизни. Его накрыла волна бесстрастия и унес прочь поток любви Бабаджи.

Через несколько дней после того, как это случилось впервые, произошло еще одно удивительное событие. Как-то ночью Бабаджи пришел в сон к отцу Свамиджи и объявил: «Сураджд – мое духовное дитя. Он должен отвергнуть семейные узы и завершить свою духовную *садхану* уже в этой жизни. Вы должны передать его мне. Я буду заботиться о нем должным образом». Во сне отец был настолько впечатлен личностью и внутренней силой Бабаджи, что без колебаний дал согласие. Но на следующий день он решил не обращать вни-

мания на этот эпизод – подумал, что то был только сон. Он даже никому о нем не рассказал.

На следующую ночь Бабаджи снова явился ему во сне, но на этот раз с грозным предостережением. Он сказал: «Ты меня ослушался. Как посмел ты отмахнуться от нашего уговора, сочтя его ничего не значащим сном? Как мог нарушить данное тобой обещание? И вот теперь посмотри: Сурадж мертв». И вправду, отец увидел, что Сурадж Пракаш лежит на кровати, по всей видимости мертвый. Бабаджи продолжил: «Что ты предпочтешь – передать этого ребенка мне живым либо же сохранить для себя его труп?» При этих словах отец горько разрыдался. Тогда Бабаджи смягчился и успокоил его: «Не тревожься о своем сыне. Он всегда будет под моей полной защитой». Затем Бабаджи попросил мужчину исполнить два его желания: во-первых, немедленно выйти на связь с Махантом Гирдхари Дассом, десятым наследником духовной родословной Бабаджи, а во-вторых, сдержать свое слово и благословить сына, передав его под опеку Бабаджи, и если молодой человек захочет отречься от мира и отправиться на поиски Божественного, не удерживать его и не чинить препятствия. С этими словами Бабаджи исчез.

На следующее утро отец рассказал обо всем своей жене. Немного напуганные и потрясенные, они решили отправиться к Маханту Гирдхари Дассу. К своему удивлению, они обнаружили, что Махант их ждал. Прежде чем они успели произнести хоть слово, он сказал, что к нему тоже во сне являл-

ся Бабаджи и дал определенные распоряжения. Затем он все им объяснил.

Посвящение в Удасины

15 июня 1947 года все святые из *деры* и многочисленные сельчане собрались в большом Дарбар-холле, который при-мыкает к усыпальнице Бабаджи. Специально по случаю этого события была совершена декламация из священной книги «Гуру Грантх Сахиб». Сураджа Пракаша посадили в особую *асану*, и в ходе церемонии Махант срезал ему прядь волос.

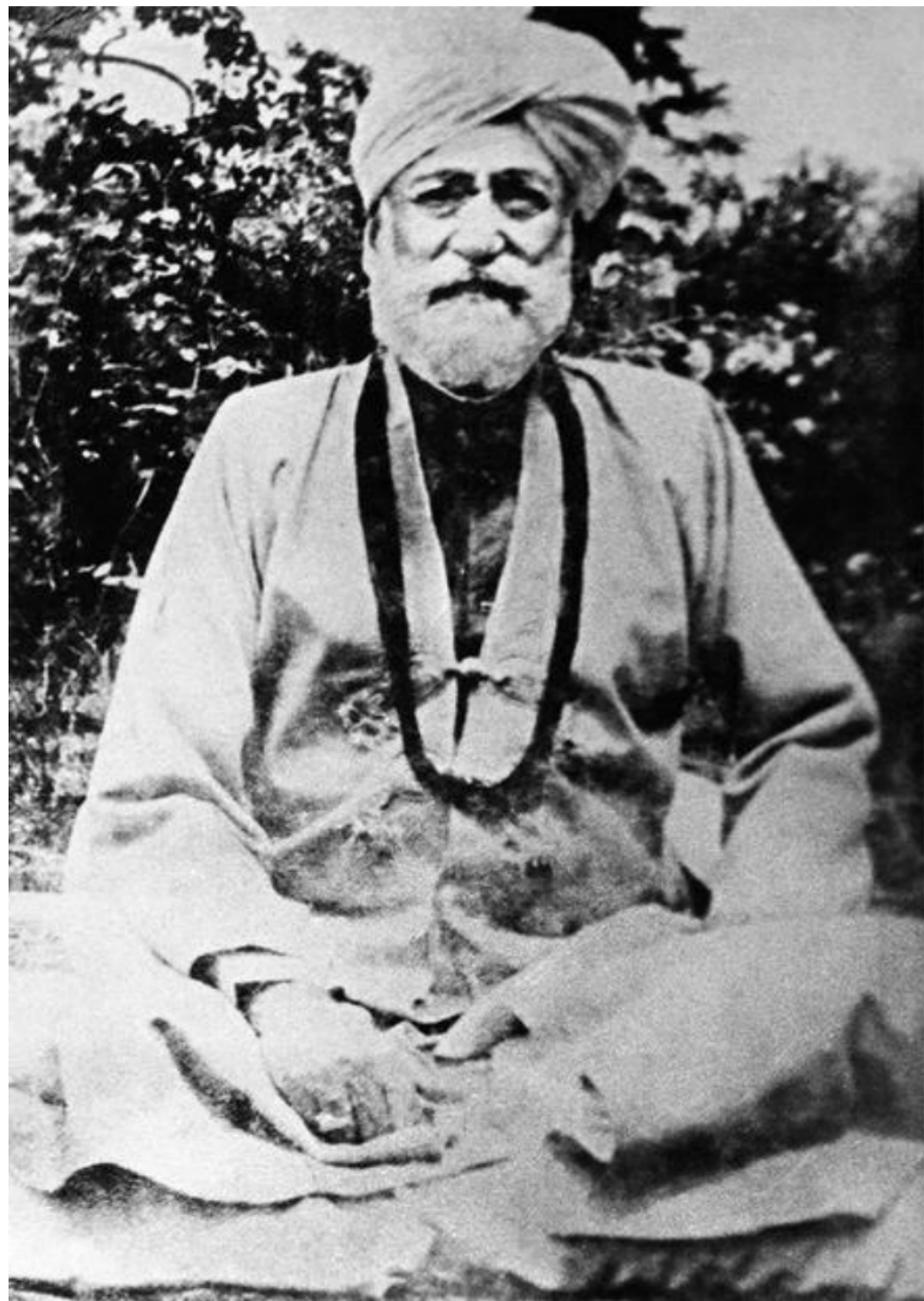
Махант Гирдхари Дасс наугад выбрал предложение из «Гуру Грантх Сахиба», затем, на основании первого слога из этого предложения, изменил имя Сурадж Пракаш на Чандра Пракаш. Затем он прошептал на ухо молодому человеку *мантру* и выдал ему *копин* (монашеская набедренная повязка), а также головной убор и *сехли* (священная черная нить), как того требует традиция Удасинов. Затем, по завершении церемонии, юношу обрили наголо, после чего раздали *пра-сад*. Так в семнадцатилетнем возрасте Свамиджи получил посвящение в *брахмачарью* ордена Удасинов.

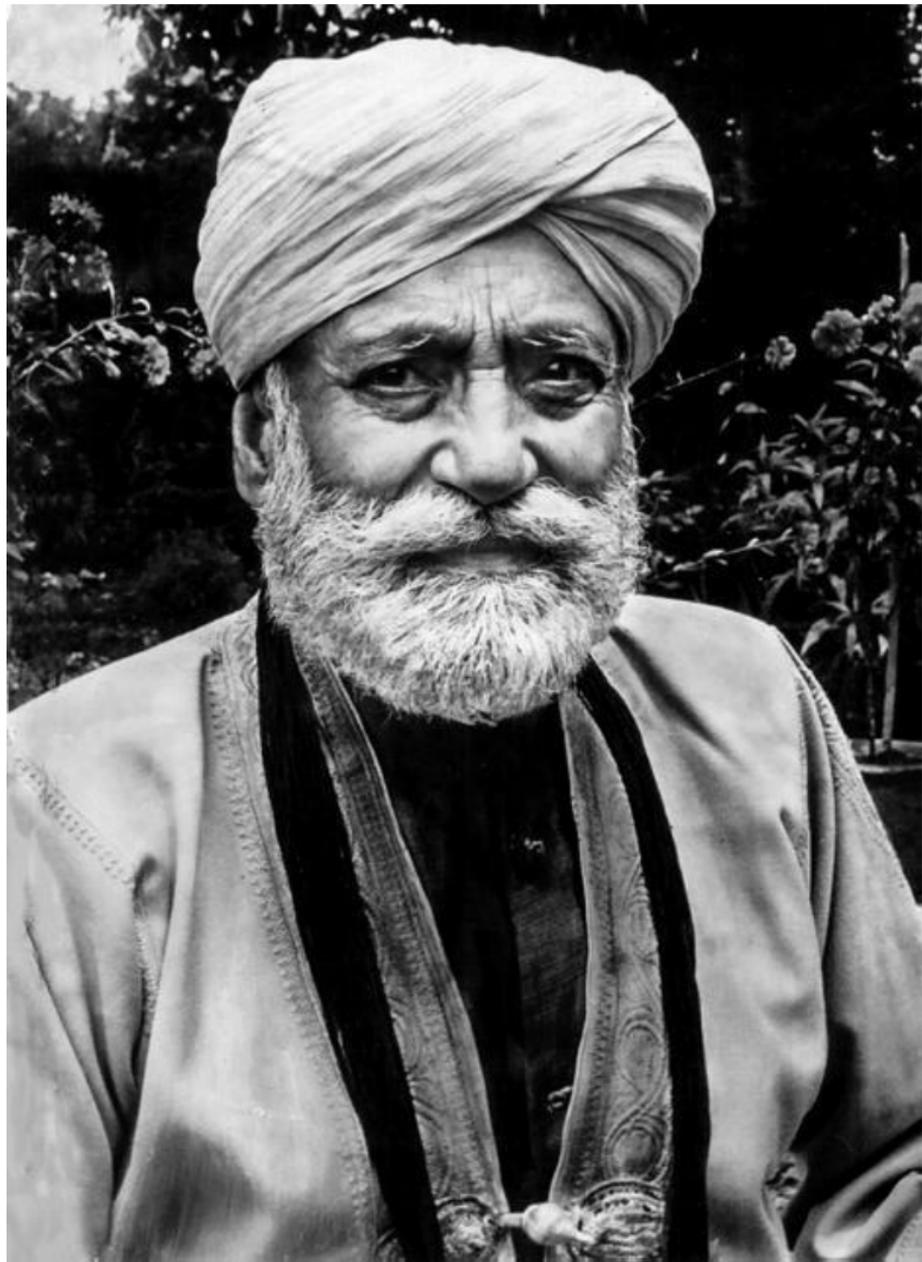
Изменяя имя юноши с Сурадж Пракаш на Чандра Пракаш, Махант сказал с улыбкой: «Ты был горяч, словно Солнце (Сурадж)¹³, а теперь станешь прохладен, как Луна (Чандра)». Так Бабаджи, в своей бесконечной милости, посвятил Свамиджи на духовный путь, используя Маханта Гирдхари Дасса в качестве посредника. После посвящения Свамиджи

¹³ Здесь Махантджи указывает на страстную увлеченность юноши спортом.

еще месяца полтора жил в *дере*. С той поры, следуя монашеской традиции, он никогда больше не останавливался в родительском доме, но жил в *дере* у Маханта Гирдхари Дасса.

Это посвящение знаменовало не только перемену имени. Полностью изменилось мировоззрение и жизненные ориентиры юноши. Чандра Пракаш окунулся в могучий поток бесстрастия и божественной любви. О своем бесстрастии в те времена Свамиджи сказал однажды: «Теперь я могу сказать, что мое неколебимое бесстрастие основывалось на моей любви к Бабаджи. Оно пришло ко мне его милостью». Юноша осознал, что вот уже на протяжении многих и многих прошлых жизней он был духовным странником. Истинная цель его жизни внезапно озарилась для него светом, хоть для этого озарения и не было какой-то очевидной причины. Таким образом, в том возрасте, когда большинство юношей попадают в путы иллюзорного мира страстей, погони за именем, славой, эгоистических порывов и мирских амбиций, этот молодой человек преисполнился прочной, как Гималаи, решимости, что целью его жизни является всеобъемлющая реализация Божественного – и ни на что меньшее он не согласен.

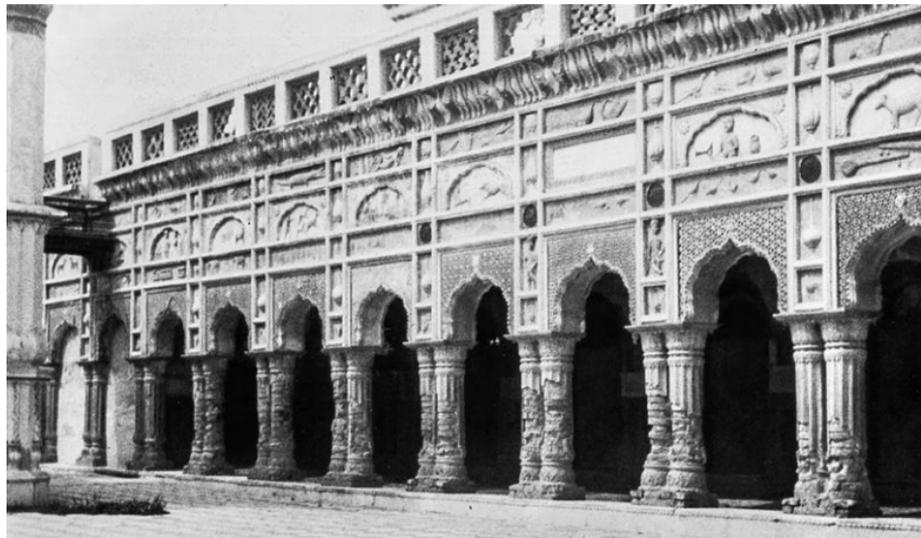
Махант Гирдхари Дасс, десятый преемник в духовной родословной Бабаджи, посвятивший Сураджа Пракаша в орден Удасинов

После этого ритуала могучий поток неколебимого бесстрастия и божественной любви в его сердце уже никогда не иссякал. Но со стороны люди не могли видеть это внутреннее преобразование. А на внешнем уровне Чандра Пракаш оставался верен своей второй любви – спорту.

Пример Чандры Пракаша, обратившегося к Богу, очень важен и показателен для нас всех. Он был необычайно красивым, ладно сложенным юношей с острым умом, из уважаемой и зажиточной семьи, и он мог беспрепятственно наслаждаться всеми соблазнами мира. Он обратился к Богу не из-за каких-то мирских неудач, отверженности, нужды, страданий, страхов, болезней или старости. Бесстрастное отношение Чандры Пракаша к миру и его любовь к Богу родились из глубин его существа. Это произошло совершенно естественным образом, без каких бы то ни было внешних толчков. В действительности именно влечение к миру неестественно, а поэтому рано или поздно оно обязательно угасает и приходит к завершению, оставляя за собой ощущение обманутости. В конечном счете каждый из нас неизбежно обратится к божественной Любви, божественному Свету. Ибо нужна ли причина, чтобы стремиться к возвращению в свой истинный Дом? Нужно ли нам какое-то особое приглашение,

чтобы стремиться утолить жажду абсолютного Знания, абсолютной Любви, абсолютного Блаженства и абсолютной Истины? Мы воистину можем стремиться реализовать Его, руководствуясь одной только любовью к Нему, – стремиться всеми силами, без всяких зримых причин.

Всего через полтора месяца после посвящения Чандры Пракаша Индия пережила травму болезненного разделения, в ходе которого родилось государство Пакистан. И если Индия, верная своим либеральным и духовным ценностям, опять стала светским государством, то в Пакистане было провозглашено государство исламское. В процессе разделения были убиты сотни тысяч людей. Индуистам и сикхам пришлось бежать из новообразованного Пакистана, спасая жизни, – при этом они оставляли все свое имущество, свои храмы, *гурудвары* и прочие символы своей культуры. Судьбе было угодно, чтобы деревня Бхуман-Шах, вместе с огромной *дерой* и священной усыпальницей Бабаджи, оказалась по пакистанскую сторону границы.

Вид на большой Дарбар-холл, где Сурадж Пракаш полу-

чил посвящение (фотографии 1982 года). Свамиджи рассказывает, что на платформе внутри холла, прямо посередине, под куполом, был установлен *мурти* (образ) Ачарьи Шричандры, справа от которого располагалось изображение, а слева – экземпляр «Шри Гуру Грантх Сахиба»

Наблюдая кровопролитное безумие, которое творилось вокруг, Махант Гирдхари Дасс тоже решил бежать в Индию вместе со многими другими индуистами, оказавшимися по ту сторону границы. На тот момент *дера* Бабаджи уже успела превратиться во внушительный комплекс на тысячах акров земли, располагавший роскошными зданиями, залами, великолепными гробницами и Дарбар-холлом, в котором и получил посвящение Чандра Пракаш. Все это пришлось бросить. На тот момент сам Чандра Пракаш находился уже по индийскую сторону границы – в Массури, куда он отправился на летние каникулы с несколькими одноклассниками. Махант отослал отца Свамиджи, Лалу Рупчана, к начальнику полиции ближайшего индийского города, Фирозпура, чтобы тот привел военных, дабы обеспечить безопасное продвижение переселенцев. Начальник полиции Фирозпура был духовным последователем Маханта. Итак, Лала и два грузовика с военными вскоре прибыли в деревню Хавели-Лакха, где их дождался Махант с некоторым количеством своих последователей, а также Матой Васудэви. К несчастью, в суматохе случилось так, что в *дере* остался очень пожилой отец

Маханта и священная статуя Ачарьи Шричандры. Поэтому Махант и его последователи погрузились на один из грузовиков и поехали в Индию, а Лала на другом грузовике вернулся в *деру*. Когда он приехал, там уже всю мародерствовали «повстанцы». Особенно их привлекло зернохранилище, где хранилась тысяча квинталов пшеницы. Тут и там на земле лежали кучки просыпанного зерна. В этой ситуации повстанцы и мародеры представляли реальную угрозу для жизни Лалы. Поэтому военные стали стрелять в воздух, чтобы распугать их. Это сработало. Не теряя времени, Лала стал искать пожилого отца Маханта. Тот прятался в доме старого друга из числа мусульман. Лала забрал старика, после чего отправился в *деру* и взял священную статую Ачарьи Шричандры, после чего они поехали в Индию. По пути им снова встретились повстанцы, которые разрушали мост, чтобы не дать людям бежать в Индию. Военным пришлось опять открыть огонь, чтобы разогнать толпу. Так, рискуя жизнью и демонстрируя беспримерную отвагу, Лала спас отца Маханта и священную статую Ачарьи Шричандры – в целостности и сохранности доставил их в Индию. Из такого уж теста был сделан этот Лала.

Чандра Пракаш (слева) с одноклассниками в Массачусеттсе (1947)

Чандра Пракаш (вверху слева) во время летних каникул развлекается с друзьями на водопаде Кемпти, Массури. Незадолго до разделения страны

Тем временем Чандра Пракаш находился в полной безопасности в Индии, в Массури, и ничего не знал о бедах, которые переживали его родные и *дера*. Махант Гирдхари Дасс сумел передать ему весточку, приказав, чтобы Свамиджи с товарищами оставался в Массури до тех пор, пока ситуация не стабилизируется. Поэтому, хотя ребята изначально планировали пробыть в Массури всего пару недель, в итоге они остались там на несколько месяцев. В конце концов Махант

и семья Чандры Пракаша обосновались в деревне Бахауддин в округе Сирса, штат Харьяна, и Чандра Пракаш вскоре приехал туда же, где снова поселился у Маханта.

С расколом страны разбилось и чувствительное сердце Чандры Пракаша. У него отняли все – усыпальницу-*самадхи* возлюбленного святого, *деру*, родную деревню... Расставание с *самадхи* было совершенно нестерпимым для него. По его собственному признанию: «После разделения страны я частенько прятался где-нибудь в укромном местечке и плакал, вспоминая *самадхи* Бабаджи. Месяц за месяцем мною владела идея о том, чтобы сбежать в *деру* и поселиться в усыпальнице Бабаджи в Пакистане под видом *факира* (мусульманский аскет, *суфий*)».

Его состояние в то время похоже на то, какое было у Хир и Ранджи – влюбленных из мифа. Много лет Ранджа под видом *садху* пас волов в деревне, где жила его возлюбленная Хир, – только ради того, чтобы быть рядом с нею. Следующие строки очень точно описывают безмолвные терзания Чандры Пракаша: «Вдалеке плачет флейта одинокого сердца. О возлюбленная! Взгляни же! Как жестоко тоска истерзала мое естество». В те дни он помнил о Нем, просыпаясь; помнил о Нем во сне; помнил о Нем, улыбаясь; помнил о Нем, заливаясь слезами.

Однако для юного Чандры Пракаша возлюбленный присутствовал не только в границах *самадхи*, он пребывал также в его *Атмане* – в его Истинном Я. *Самадхи* было всего лишь

зримым символом. И Чандра Пракаш очень отчетливо это осознал – милостью Бабаджи. Постепенно боль разлуки с *самадхи* притупилась.

Обосновавшись в деревне Бахауддин, Махант Гирдхари Дасс устроил там временную *деру* и в конце концов соорудил временное святилище Бабаджи километрах в четырех от Бахауддина, в деревне Сангхар. Лала Рупчанд и там продолжал служить *дере* и Маханту, как и подобает преданному последователю. Последователи Бабаджи понемногу сооружали по всей Северной Индии посвященные Бабаджи храмы, где и поныне с должной любовью и верой совершается *пуджа-арати*.

Именно в этот ранний период жизни в Бахауддине Чандра Пракаш пережил вторую тяжкую утрату – ушла из жизни его возлюбленная мать, Мата Васудэви. Нет никаких сомнений, что вынужденное бегство из *деры* Бабаджи стало для нее огромным потрясением, и в начале 1948 года у нее вдруг начался ужасный жар. После очень непродолжительной болезни она умерла.

Хотя Чандра Пракаш с малых лет жил отдельно от семьи, он по-прежнему тесно общался с родными. Он до сих пор нередко говорит, что связь между матерью и ребенком – самая глубокая и бескорыстная из всех мирских связей. И еще Свамиджи часто повторяет, что мать – первый гуру ребенка. Мы можем без труда собрать редкие, но очень выразительные воспоминания Свамиджи о детстве, из которых следует,

что в его случае это совершенно верно. Свамиджи лично рассказывал мне, что, прослышав о маминой смерти, он разрыдался в объятиях Маханта.

Занятия спортом и дальнейшее погружение в бесстрастие

До разделения страны Чандра Пракаш учился в колледже «Санатан Дхарма» в Лахоре, где он и закончил одиннадцатый класс. После того как община осела в Бахауддине, Махант в 1948 году отослал юношу отучиться последний год (по двенадцатилетнему стандарту) в колледж «Санатан Дхарма» в Амбале, после чего отправил его в Дехрадун для дальнейшего обучения. В 1951 году он получил степень бакалавра естественных наук по специальности физика, химия и математика в колледже *DAV*, Дехрадун.

Однажды, вспоминая колледж, Свамиджи рассказал нам интересный случай, который указывает на то, что дата, когда почитатели отмечают день рождения Свамиджи – 5 марта, – это, возможно, неправильная дата его рождения. Вот что он рассказал:

«Я точно не знаю день своего рождения. В 1948–1949 годах, когда я поступал в колледж в Дехрадуне, у меня, как и у большинства беженцев, не было никаких документов, подтверждающих, сколько классов я окончил, ведь нам пришлось все оставить в Пакистане. Директор колледжа *DAV* велел мне принести мое свидетельство об окончании

двенадцатилетней школы. Поэтому я отправился в центральный офис Пенджабского университета в Солане. Все их документы остались в Лахоре, но, увидев, что я сдал выпускные экзамены в Амбале, они согласились выдать мне свидетельство. Человек, выдававший документы, спросил мою дату рождения, и я ответил, что не знаю. Тогда он задал мне два-три вопроса и сделал запись, опираясь на них. С тех пор во всех моих бумагах стоит дата рождения 5 марта».

Чандра Пракаш с кубком, врученным ему как лучшему спортсмену колледжа *DAV* в Дехрадуне (1949–1950)

Во время обучения в Дехрадуне Свамиджи продемонстрировал выдающиеся успехи в разных видах спорта, включая легкую атлетику, однако его любимой игрой оставался волейбол. Он играл в волейбол часами – и вскоре стал капитаном волейбольной команды колледжа. Он достиг большого мастерства в гасящем ударе одной рукой: юноша отработывал его так упорно, что его правая рука стала чуть длиннее левой. И до сего дня правый рукав одеяния Свамиджи приходится делать на пару дюймов длиннее левого. Его юношеская увлеченность волейболом особенно очевидна в следующем письме к другу, которое он написал в дни обучения в Дехрадунском колледже. Изначально письмо было написано на урду:

Дехрадун, 16.09.1951

Дорогой брат Шри Раджкишан,
Намастэ

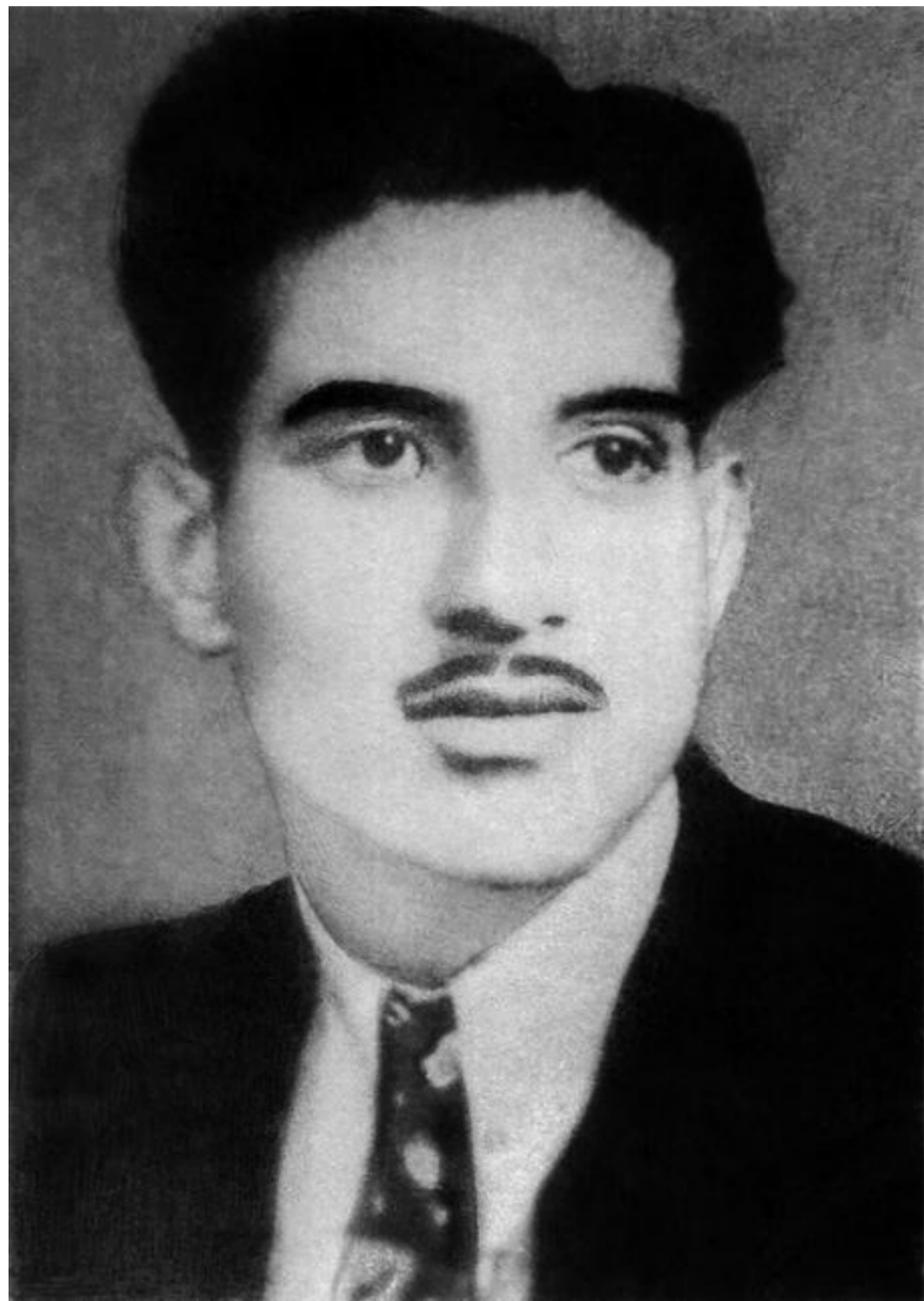
Довольно давно я получил от тебя письмо и ответил на него через два или три дня. Но с тех пор ответа нет, как нет и вестей о том, собираешься ли ты сюда приехать. Не случилось ли что?

В Массури с 18 сентября по 15 октября проводят празднование, в рамках которого будут проходить конкурсы красоты, концерты и спортивные состязания. Говорят, что ничего подобного в Индии еще не бывало. Будут там и соревнования по волейболу. Если ты

приедешь, то мы можем поучаствовать в качестве частного клуба. Я точно поеду туда на недельку, чтобы посмотреть, что да как, так почему бы еще не поучаствовать в соревнованиях? Там точно не будет команды, которая сможет тягаться с нами. Так что приезжай – прошу! По поводу дат пока еще ничего не известно, но будь там до 24 сентября, потому что, насколько я выяснил, турнир начнется где-то 26 или 27. Наша команда теперь стала намного сильнее. Сегодня приехал мистер Сударшан, у него все в порядке. Почтенный Пападжи 18 сентября собирается ехать в Сирсу. Я верю, что ты приедешь... сообщи мне о своих планах.

Искренне твой

Чандра

Фотография Чандры Пракаша, опубликованная в журнале колледжа DAV (1950–1951)

К этому времени Чандра Пракаш сделался весьма высоким, стройным, сильным и симпатичным юношей. Четко очерченные черты лица, золотистая кожа – чистое очарование. Даже занимаясь мирскими делами, он всегда выглядел отстраненным и погруженным в себя. Простота, скромность, умиротворенность и невинность – вот черты, которые отчетливо проявлялись в его характере уже тогда.

Как преподаватели, так и студенты были очень расположены к юному Чандре Пракашу. Особенно любил его заведующий кафедрой химии, профессор Л. Н. Гупта, и они продолжали общаться всю его жизнь. Много лет спустя Свамиджи сообщил о нем такую вот интересную информацию: «Профессор Л. Н. Гупта был моим преподавателем в колледже DAV. Я очень любил и уважал этого человека. Мне даже хотелось омыть его стопы. И он тоже любил меня. Он был последователем „Арья-самадж“, но весьма почитал также и Господа Раму. Мне всегда казалось, что он похож на святого. Жена его умерла после двух лет в браке, и с тех пор он больше не женился – жил один. Позднее у меня было видение об одной из моих прошлых жизней, где он обучал меня санскриту в некоем *ашраме* в Гималаях. Профессор Гупта был *пандитом* при *ашраме* и обучал монахов санскриту. Я никогда не рассказывал ему о том видении. Мы поддер-

живали связь и после того, как я принял *санньясу*. Он даже хотел завещать мне все свое имущество, но я попросил его этого не делать. Впоследствии он по моему же совету завещал имущество колледжу *DAV* в Дехрадуне. Он настолько меня любил, что хотел, чтобы я был рядом с ним в момент смерти. Так и случилось»¹⁴.

Однажды за обедом в трапезной *ашрама* Свамиджи много поведал нам о том, как он занимался спортом, когда учился в колледже в Дехрадуне. Он написал:

«Для участия в окружной спартакиаде нужно было сформировать легкоатлетическую команду колледжа *DAV*. В тот день в колледже был выходной. Какое-то время назад для подготовки к соревнованиям колледж арендовал спортивный комплекс при Академии Святого Иосифа на Раджпур-роуд. Естественно, там были и беговые дорожки. Открытые спортивные состязания окружного уровня тоже проводились в этом спорткомплексе. Я не знал, что в тот же день состоится и отбор участников команды колледжа. Я случайно проезжал мимо на велосипеде и увидел двух студентов на стадионе. Когда я поинтересовался, зачем они пришли, ребята ответили, что происходит отбор в команду колледжа по легкой атлетике для окружной

¹⁴ Свамиджи приехал к профессору Гупте всего за час до того, как тот испустил последний вздох. В последний момент Свамиджи дал профессору испить воды, которая была заряжена при помощи священной мантры.

спартакиады. Я тоже присоединился. Процесс отбора еще не начался, и юноши пока что отрабатывали прыжок в высоту. Я тоже прыгнул, будучи одет в обычные туфли и брюки, – и взял высоту 5 футов 6 дюймов... а рекорд нашего колледжа на тот момент составлял 5 футов 8 дюймов. Один из моих друзей сказал: „Если ты можешь взять 5 футов 6 дюймов без спортивной одежды и без тренировок, то тебе нужно непременно принять участие в отборе“. Так я впервые заинтересовался легкой атлетикой. Я оказался первым в прыжках в высоту с результатом 5 футов 9 дюймов, вторым в забеге на 100 и на 200 метров и третьим в толкании ядра. С тех пор я более серьезно занялся этим видом спорта, ведь прежде я только ежедневно играл в волейбол. После месяца не слишком напряженных тренировок я принял участие в легкоатлетической спартакиаде и обеспечил команде пять наград. Я был первым в группе младше восемнадцати лет и третьим на открытом чемпионате округа.

На следующий год я был первым на открытых окружных соревнованиях и с тех пор всегда оказывался первым на таких чемпионатах все время, пока обучался в Дехрадуне. В один год я представлял наш округ на трех соревнованиях уровня штата.

Три года я получал награды за участие в соревнованиях на уровне колледжа, два раза – на уровне округа; у меня было не менее двадцати пяти наград и грамот. Позже, приняв *санньясу*, я отдал все свои награды вместе со спортивной курткой какому-то

мальчишке в Харидваре».

Таким образом, когда Свамиджи принял *санньясу*, его многообещающая спортивная карьера подошла к завершению, но все же занятия спортом помогли ему воспитать в себе героические качества, достойные *санньясина* — отважного путника, решительно шагающего в Вечность. Но об этом мы подробно поговорим позже.

Чандра Пракаш (передний ряд, второй справа) и его близкий друг Шри Джагдиш Марвах (передний ряд, второй слева) вместе с волейбольной командой колледжа *DAV* (1951)

А сейчас мы отправимся в Дехрадун, чтобы посмотреть,

как там проводил время Чандра Пракаш. Махант Гирдхари Дасс купил большое бунгало в Дехрадуне. В этом бунгало и жил Чандра Пракаш. Махант организовал обслуживание должным образом, однако Чандра Пракаш привык заботиться о себе сам. Он ежедневно прибирался в комнате и содержал ее в идеальном порядке – все на своих местах. Кроме того, он регулярно уделял время молитве и медитации.

Несколько лет назад, в 1999 году, нам посчастливилось встретить Шри Джагдиша Марваха из Калькутты, который близко дружил со Свамиджи, когда они оба учились в Дехрадуне. Мистер Марвах владеет фабрикой в Калькутте. Он поведал нам, что уже в студенческие годы Чандра Пракаш был воплощением безмятежности и праведности. Говорил Чандра мало, но всегда приветливо, неизменно был весел. Среди людей он жил как чужак, и приятелей у него было немного. Мать Джагдиша Марваха очень полюбила Чандру Пракаша, она часто приглашала его в дом и угощала всякими вкусностями.

Джагдиш и Чандра Пракаш вместе играли в волейбольной команде колледжа, и их обоих выбрали для участия в команде Индии для соревнований в Советском Союзе. Но оба они не воспользовались этой возможностью – Чандра Пракаш из-за своих духовных поисков, а Джагдиш из-за карьеры. Много лет спустя, когда мистер Марвах вернулся из Англии после обучения, они с женой поехали навестить Свамиджи, который на тот момент уже выполнял *садхану* на по-

росшем джунглями островке неподалеку от Харидвара. Впечатленный духовной глубиной и притягательностью старого друга, мистер Марвах попросил Свамиджи дать ему посвящение в *мантру*. К этой просьбе присоединилась и его жена. Свамиджи милостиво согласился. Таким образом, дружба двух соучеников и товарищей по команде переросла во взаимоотношения между наставником и учеником, которые продолжаются и по сей день.

На первых порах во время своего обучения в Дехрадуне Чандра Пракаш носил западный костюм – рубаху и брюки, как оно было принято в те дни. Но позже, возможно для того, чтобы отобразить свое новое внутреннее отношение к мирской жизни, он стал носить *пижаму* и *курту* (традиционная национальная одежда свободного покроя). Во время своего недавнего визита в *ашрам* Джагдиш с улыбкой вспоминал, как в один прекрасный день Чандра Пракаш явился на занятие волейболом в традиционной *курте* вместо привычной рубахи. А на следующий день он уже пришел не просто в *курте*, а еще и в *пижаме*. В те дни товарищи по команде после тренировок часто заходили в кафетерий при магазине неподалеку, чтобы выпить чего-нибудь холодненького. Когда Джагдиш после некоторых колебаний спросил, собирается ли его друг идти в этом своем немодном наряде и в кафетерий, тот торжественно кивнул. С того дня он почти всегда одевался только в *курту* и *пижаму*.

Далее Джагдиш рассказал нам, что в те дни Чандра Пра-

каш периодически исчезал из Дехрадуна на несколько дней, и никто не знал, куда. Он никому не сообщал, куда уезжает. По возвращении из своих загадочных путешествий он неизменно выглядел намного спокойнее, смиреннее и глубоко погруженным в себя. Однако юному Джагдишу и в голову не приходило, что его друг является отважным одиноким странником, неустанно идущим непроторенным путем в поисках своего божественного Возлюбленного. Наш Свамиджи был настолько погружен в себя, застенчив и скромн, что он не беседовал о своей внутренней духовной жизни – своей истинной жизни – даже с самым близким другом.

Когда мы расспросили его об этих загадочных отлучках, Свамиджи поведал нам, что в студенческие годы он частенько ездил в Харидвар или в Ришикеш. В Харидваре (точнее, в его пригороде Канкхале) он останавливался в *ашраме* «Нараян Нивас». А близ Ришикеша в то время была колония хижин, принадлежащих *ашраму* «Сварг». Они располагались за Гангой, возле дороги, ведущей от *ашрама* «Сварг» к мосту Лакшман-джула. В этих хижинах жили монахи и отшельники, уединившиеся для выполнения *садханы*. Колонию хижин окружал густой лес, откуда иногда приходили тигры и слоны. Чандра Пракаш останавливался там дважды у одного из монахов – на четыре или пять дней. В хижине он только ночевал, а весь день проводил на берегу Ганги. В это время он изучал священные писания и размышлял о них – так глубоко, как только мог. Таким образом, мы видим, что, по-

мимо академического мирского образования, он спокойно и твердо готовил себя также к завершающему этапу своего духовного путешествия.

Следующий эпизод ясно демонстрирует, сколь велика была тяга юного Чандры Пракаша к обществу святых, а также сколь невинен он был в те дни. Эту историю рассказал нам сам Свамиджи, от всей души веселясь и заливаясь смехом:

«В студенческие годы я услышал от кого-то, что в Уттаркаши живет много великих святых. Я неверно понял собеседника и предположил, что речь идет о некоем месте к северу (*уттар*) от Каши (Варанаси)... Поэтому я отправился в Варанаси. Поезд прибыл в Варанаси приблизительно в 3 часа ночи. Рикша отвез меня в гостиницу в двух шагах от железнодорожной станции. Там мне предоставили *алмирах* (шкаф), чтобы я мог сложить свои вещи, и кушетку на веранде для сна – было лето. Очень рано поутру ко мне пришел священнослужитель и спросил, не хочу ли я посетить храм Вишванатх. Я и пошел с ним. Он сопровождал меня, показывая многочисленные святилища на территории храма Вишванатх и предлагал сделать денежные пожертвования в каждом из них. Под его чутким руководством я оставил некоторую сумму в восьми или девяти храмах, после чего мы направились в главный храм – собственно, Вишванатх. Там мне тоже было предложено сделать пожертвование. По завершении экскурсии я чувствовал себя весьма

утомленным, и к тому же мой кошелек опустел больше, чем наполовину. Я нашел какую-то гостиницу возле храма Вишванатх и решил передохнуть там. Я спросил управляющего, где находится Уттаркаши. Он ответил, что в Гималаях... Тем же вечером я сел на ночной поезд и вернулся в Дехрадун».

Оглядываясь на те дни, мы обнаруживаем, что Чандра Пракаш с самого начала, словно текущий ручей, неудержимо двигался к своей духовной цели – твердо и размеренно, никогда не привязываясь к берегам. Конечно, он делился своим врожденным покоем и самообладанием с окружающими – со всеми, кому посчастливилось оказаться рядом, – но при этом двигался, не цепляясь ни за что и ни за кого.

Прежде чем мы поговорим о том, как Чандра Пракаш отрекся от мира, хочется привести кое-какую редкостную информацию о Свамиджи – редкостную потому, что Свамиджи очень скуп на разговоры о себе и о своем духовном путешествии. Но однажды автору удалось вытащить из него эти факты, проявив поистине ребяческое упрямство:

СПВ: Гурудэв, есть ощущение, что ваше духовное путешествие подходит к завершению в этой жизни. С какой же поры это сложное и трудное путешествие стало для вас сознательным?

Свамиджи: Много жизней назад.

СПВ: Сколько?

Свамиджи: Не помню.

СПВ: Случалось ли вам быть семейным человеком? Бывали ли вы женаты по ходу вашего духовного поиска?

Свамиджи: (Жестом указывает, что всегда был монахом.)

СПВ: Значит, будучи профессиональным искателем, вы всегда выбирали жизнь монаха, которая с духовной точки зрения предполагает меньше преград и препятствий?

Свамиджи: Даже растение распространяет корни и ветви в направлении наименьшего сопротивления. И насекомые движутся так же. Лишь глупец станет искать ненужных преград. Однако жизнь монаха совсем не обязательно оказывается путем наименьшего сопротивления для каждого *садхаки*.

СПВ: Может ли случиться так, что даже после обретения наивысшего духовного опыта душе придется пройти через много рождений, чтобы обрести устойчивость в Реализации?

Свамиджи: Да.

СПВ: Мы слышали, что у вас были некоторые взаимоотношения с Господом Иисусом.

Свамиджи: Я получил его *даршану*. Возможно, были и более давние взаимоотношения. Я не помню.

СПВ: В прежних жизнях были ли вы монахом только индуистских орденов или также и других религий?

Свамиджи: Индуистских орденов.

СПВ: Почему вы снова и снова выбираете именно эту религию и эту среду?

Свамиджи: Я не выбирал. Выбор делает Божественная Сила на основании *карм* и *самскар* человека. Именно Она направляет его в определенную среду, семью, религию и так далее.

СПВ: Простите, что задаю вам этот вопрос... Многие верят, что вы жили в теле во времена Бабы Бхуман Шаха. Какие отношения у вас были с ним?

Свамиджи: Взаимоотношения Учителя и ученика.

СПВ: С самого детства вы живете с необычайно глубокой верой в Бабаджи и любовью к нему... так что наверняка вы были одним из любимейших его учеников.

Свамиджи: У него были тысячи любимых учеников... Однако для меня он – дражайший из людей. Могу сказать, что люблю его больше всех на свете, но как могу я утверждать, что и он меня любит больше всех? Его любовь – огромная честь для меня. Но как я могу говорить, что я – наиболее возлюбленный? Любовь Бабаджи обращена ко всей Вселенной. Принимал ее и я. Мне повезло. Его любовь – результат безграничной милости. Каждый может приобщиться к божественной любви, но тем не менее она остается безграничной, неистощимой.

Священный *тхамб сахиб*, символ Бабаджи во внутреннем святилище его *самадхи* в деревне Бхуман-Шах (2010). До разделения страны почитатели имели обыкновение обходить этот священный символ по кругу и повязывать на нем разноцветные нити в знак своей преданности и веры

(Настойчивый ученик упорно пытается узнать побольше о взаимоотношениях между Свамиджи и Бабаджи. Он снова и снова молит Свамиджи написать что-то об этом.)

Свамиджи (несколько раздраженно, но все же с улыбкой): Ну что я могу написать? Разве любовь — это то, о чем пишут и что демонстрируют? Скорее ее прячут...

СПВ (робко): Вы слишком многое от нас прячете без причины.

Свамиджи (смеясь): Я стал ровно таким, каким сделал меня Бабаджи.

(Затем, продолжая смеяться, Свамиджи написал на урду стихотворные строки):

*Джсинка шик садак хо, во каб фарьяд карте хайо
Лабу пе, мохар э кхамоши, дилу мейн яд карте хайо.*

Истинно любящий жаловаться не станет.

Губы сомкнув, о Возлюбленном помнит лишь сердцем.

СПВ: Ну пожалуйста, расскажите нам что-нибудь.

Свамиджи: Я и хотел бы рассказать, но мне что-то не пишется.

(И снова, смеясь, Свамиджи набросал строфу на урду):

*Их падана илм зарур хойя,
Пар дасана на мансур хойя,
Джис дасайя ох мансур хойя.*

Любви божественной уроки усвоил я, сомнений нет.
Но промолчу – за разглашение платят жизнью,
Пример тому – Мансур, суфийский мистик.

Однажды во Франции мне уже задавали подобный вопрос о моих взаимоотношениях с Бабаджи. Не помню, что я ответил тогда. Когда мы получим записи тех вопросов и ответов, станет известно, какой ответ тогда из меня вытянули. Сегодня вы задаете очень прямые и неделикатные вопросы, как юрист. Однако не все, что касается духовной жизни, можно раскрывать.

СПВ: Ну пожалуйста, расскажите что-то, хоть самую малость.

Свамиджи: Я расскажу, когда мне будет дозволено. Вам даже просить не придется.

СПВ: А когда это будет дозволено?

Свамиджи (смеясь): Это известно лишь тому, кто дает дозволение. Мне откуда знать?

Отведав сладкий нектар взаимоотношений нашего возлюбленного *йогина* с его Учителем, мы снова возвращаемся к той главе его жизни, где, получая очищение огнем *санньясы*, он готовился к тому, чтобы облачиться в охристое облачение монаха.

Глава 2

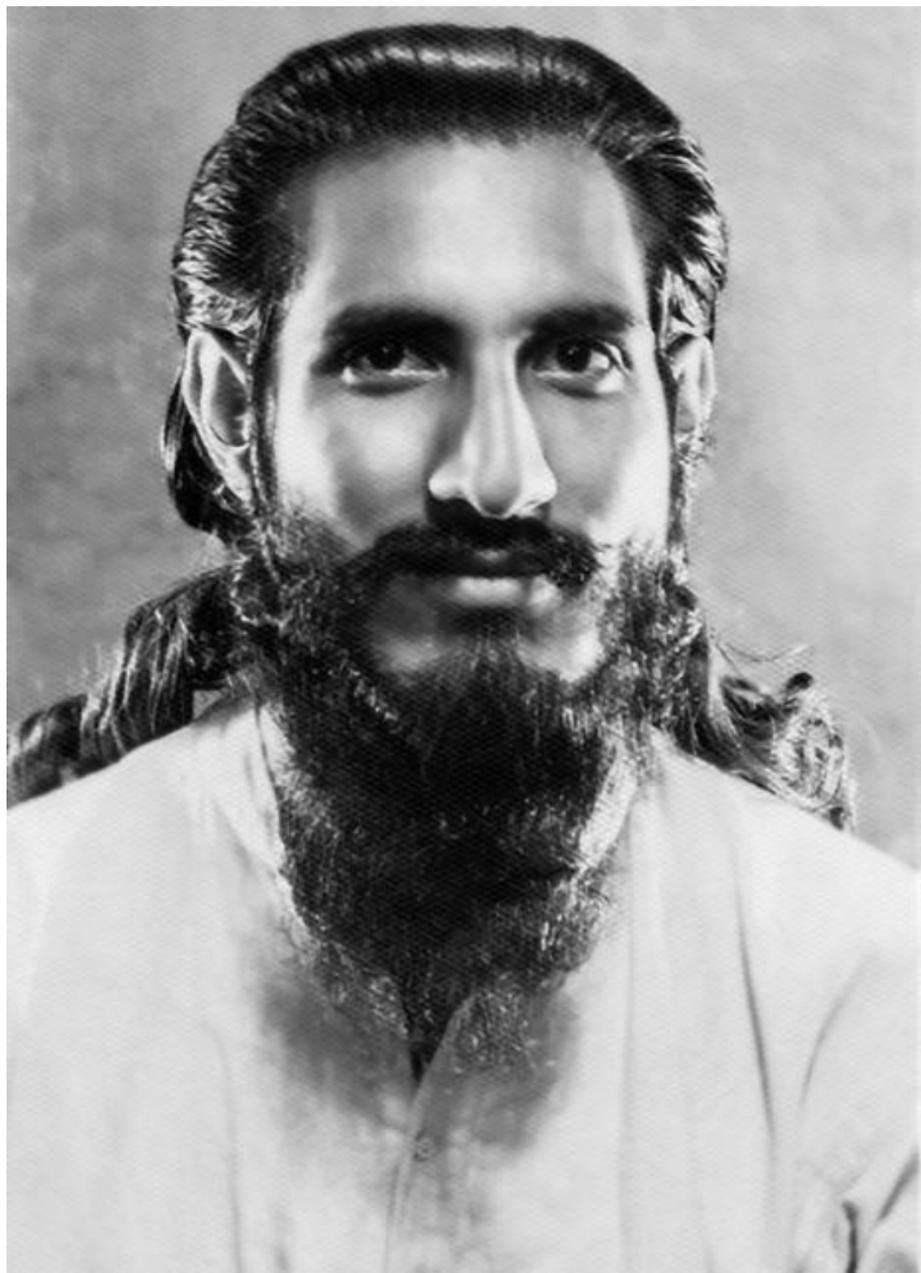
ДУХОВНЫЙ ПОИСК

Отказ от обучения

В 1951 году Чандра Пракаш учился на первом курсе магистратуры естественных наук в колледже DAV в Дехрадуне. Специализировался на математике. Река Фалгу (подземная река) его бесстрастия на этот период уже снесла все барьеры, вышла на поверхность земли и стала видна всем. Он полностью утратил интерес к мирскому образованию, которое сулит лишь заработок, имя, славу... Пробужденная интуиция чистого сердцем, энергичного молодого человека пробилась ростками на поверхность и ощутила подлинную природу мирских объектов, ситуаций и взаимоотношений, в результате чего утратила всякие иллюзии в их отношении. Его сознание стало стремиться обрести всеобъемлющую реализацию Божественного и приобщиться к той высшей Реальности, которая сможет навсегда утолить жажду души. Для Чандры Пракаша, который уже сделался инструментом Бабджи, стало больше невозможно притворяться студентом магистратуры естественных наук, ходить на все эти экзамены... Он бросил колледж, отказался от занятий спортом, а

также прочих мирских дел – и отправился к Маханту Гирдхари Дассу в деревню Бахауддин, штат Харьяна. Шел февраль 1952 года.

Выше мы уже говорили, что после разделения Индии в деревне Бахауддин была создана временная *дера* Бабаджи. После того как Чандра Пракаш бросил учебу и уехал из Дехрадуна, он поселился в *дере* и прожил там десять месяцев. Там он ежедневно виделся со своим отцом Лала Рупчандом, ибо тот следил за делами *деры*. Однако в родительский дом молодой человек больше не вернулся. В силу действия *самскар* от прошлых жизней Чандра Пракаш был с самого начала глубоко убежден, что монаху не пристало ни в коем случае поддерживать взаимоотношения с родителями или родственниками из его жизни до монашества. Мы сами не раз убеждались, что наш Учитель безусловно соблюдает эту древнюю традицию. Если не считать нескольких контекстуальных упоминаний о родителях, Свамиджи никогда ничего не рассказывает о своих прежних взаимоотношениях.

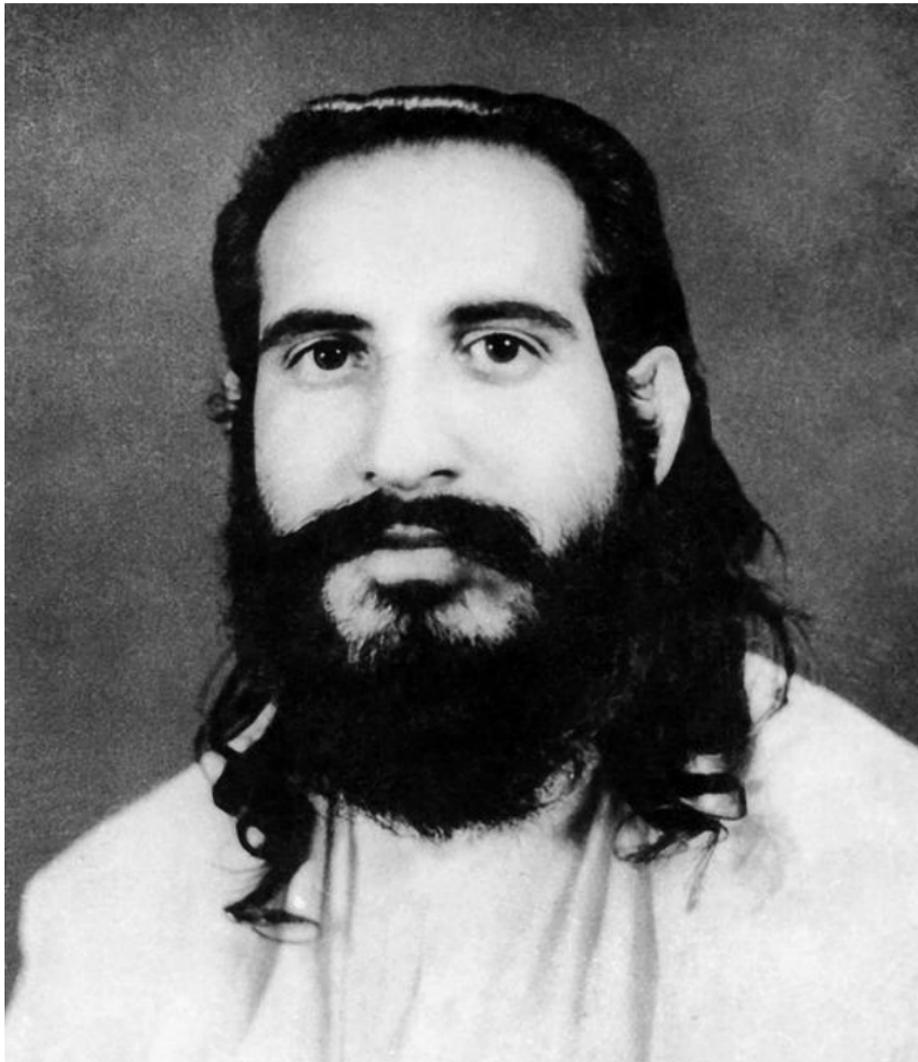
Двадцатидвухлетний Чандра Пракаш – *брахмачарья*. В деревне Бахауддин (1952)

Чандра Пракаш отрастил бороду и облачился в традиционное белое одеяние *брахмачарьи*. На этот момент ему было уже двадцать два года. Нам посчастливилось раздобыть несколько редких фотографии из того времени, и на них мы видим его умиротворенное лицо, излучающее бесстрашие. В те десять месяцев, которые он провел с Махантом Гирдхари Дассом, он просыпался очень рано и ежедневно проводил по два часа в медитации – утром и вечером. При этом ум его переходил в возвышенное состояние, быстро и непринужденно сосредоточиваясь на Божественном. Для него это было вполне естественно, и данное состояние доставляло ему немалое удовольствие. В этот период у него была прекрасная возможность много заниматься *свадхьей* (чтение священных писаний и книг с последующим размышлением над ними). Он читал «Гиту», «Вичару Сагару» (писание веданты), книги Свами Рамы Тиртха и Свами Вивекананды, а также журнал «Кальян» (*Kalyan*), публикуемый издательством *Gita Press* в Горакхпуре. Свамиджи специально не изучал хинди, но в совершенстве овладел этим языком благодаря одной только *свадхье*. В процессе изучения писаний в его сердце продолжало пылать невысказанное, но глубокое стремление к Возлюбленному. Часто, оставаясь наедине с собой, он плакал, обращаясь к Богу. В тот период он служил Маханту

Гирдхари Дассу, оказывая ему самые разнообразные услуги. Отвечал на письма, приходившие Маханту, руководствуясь его указаниями. Порой отпраивлялся куда-нибудь лично, чтобы передать сообщение от Маханта. Перед сном он преданно делал Маханту массаж стоп. А еще Чандра при каждой возможности участвовал в спортивных играх. В этот же период у него состоялась уже упоминавшаяся выше встреча с Матой Джйоти – женщиной, утверждавшей, что младенец Сураджд Пракаш в течение первого месяца после рождения был погружен в глубокое *самадхи*.

Дни пролетали быстро. Настал час сказать миру свое последнее «прощай». Ему становилось все труднее жить без Возлюбленного. Глубокое бесстрашие и вызревшая за многие жизни любовь к Богу дали свои плоды, и кульминацией этого процесса стала неумная жажда (*вирах*), которая поглощает все мирские желания и освобождает влюбленного от всего нечистого.

Говоря его собственными словами: «В те дни я был полностью объят бесстрашием – слепым бесстрашием. Я больше не мог оставаться, где был. Поэтому я сказал Маханту Гирдхари Дассу, что желаю изучать санскрит. Я действительно хотел знакомиться с писаниями из первых рук... но истинным мотивом было желание покинуть те места».

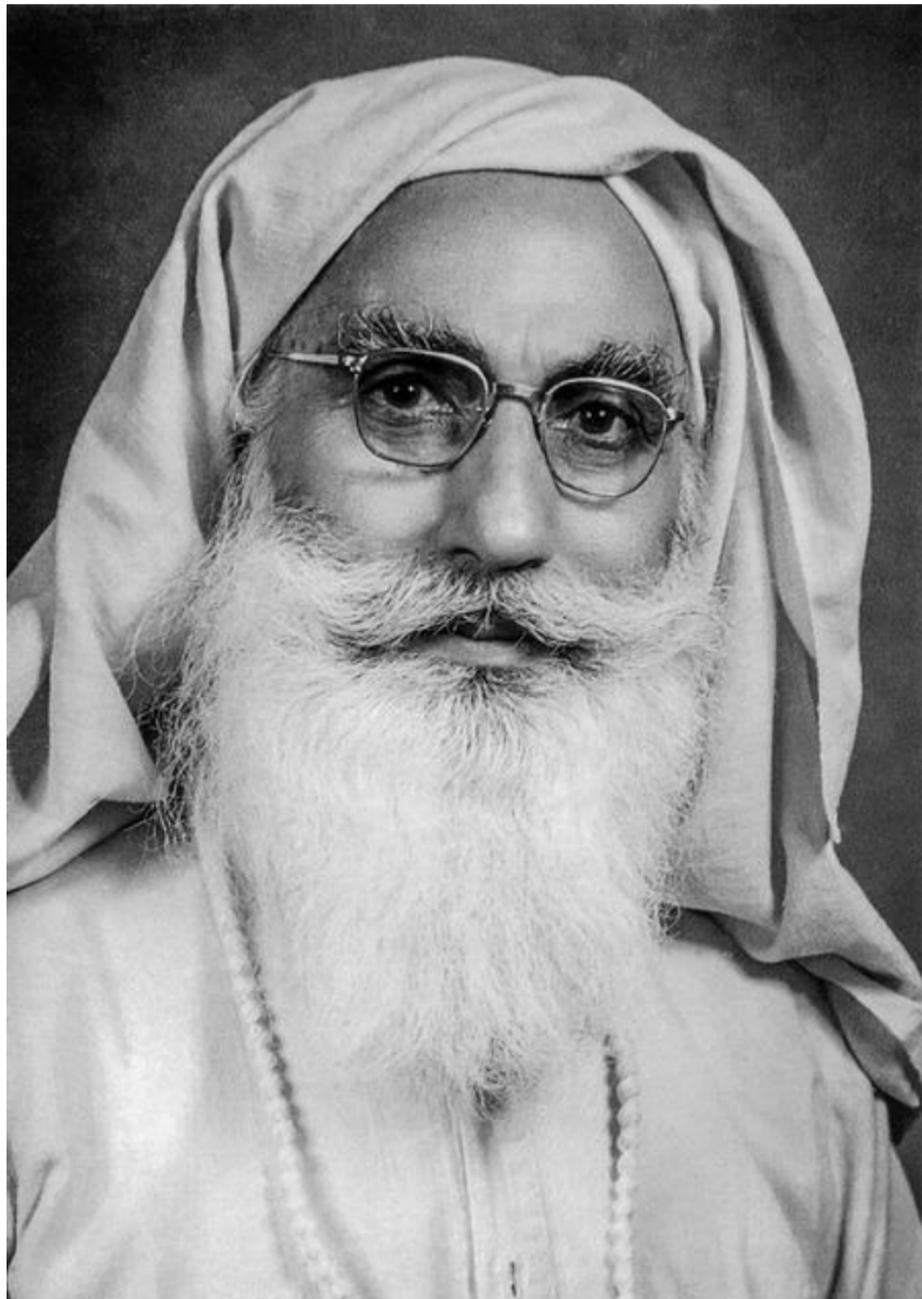
В деревне Бахауддин

Наконец, в декабре 1952 года Махант дал ему дозволение

отправиться в Харидвар для изучения санскрита. В те дни Чандра Пракаш ни с кем не делился своими истинными желаниями, но, покинув в последний раз Бахауддин, он твердо решил принять монашеские обеты *санньясы*, чтобы впредь единственной его обязанностью стало выполнение *садханы*, и жить ради Богореализации. Хотя до того, как он действительно облачился в охристое одеяние *санньясина*, оставалось еще несколько месяцев, это был решающий момент, ибо он вступил на завершающий этап своего непростого и непроторенного духовного пути, навсегда отвергнув все мирские привязки. На пути у него было два драгоценных ресурса. Во-первых, неизменная милостивая поддержка Бабы Бхуман Шаха, а во-вторых, его собственная нестигаемая воля, отвага, искренность и нерушимая внутренняя нацеленность на реализацию Бога.

Санньяса: последний решительный шаг

Чандра Пракаш оставался в Харидваре четыре или пять месяцев. Он изучал санскрит у некоего *пандита* по рекомендации Маханта Гирдхари Дасса. Там он жил в *ашраме* Удасинов «Нараян Нивас» в Канкхале. Этот *ашрам* был выстроен еще до разделения страны на средства *деры* Бабы Притам Дасса, расположенной в Пакпаттане (нынешний Пакистан). Баба Притам Дасс был гуру Бабы Бхуман Шаха. Свамиджи уже останавливался там несколько раз с Махантом Гирдхари Дассом, когда они навещали Харидвар.

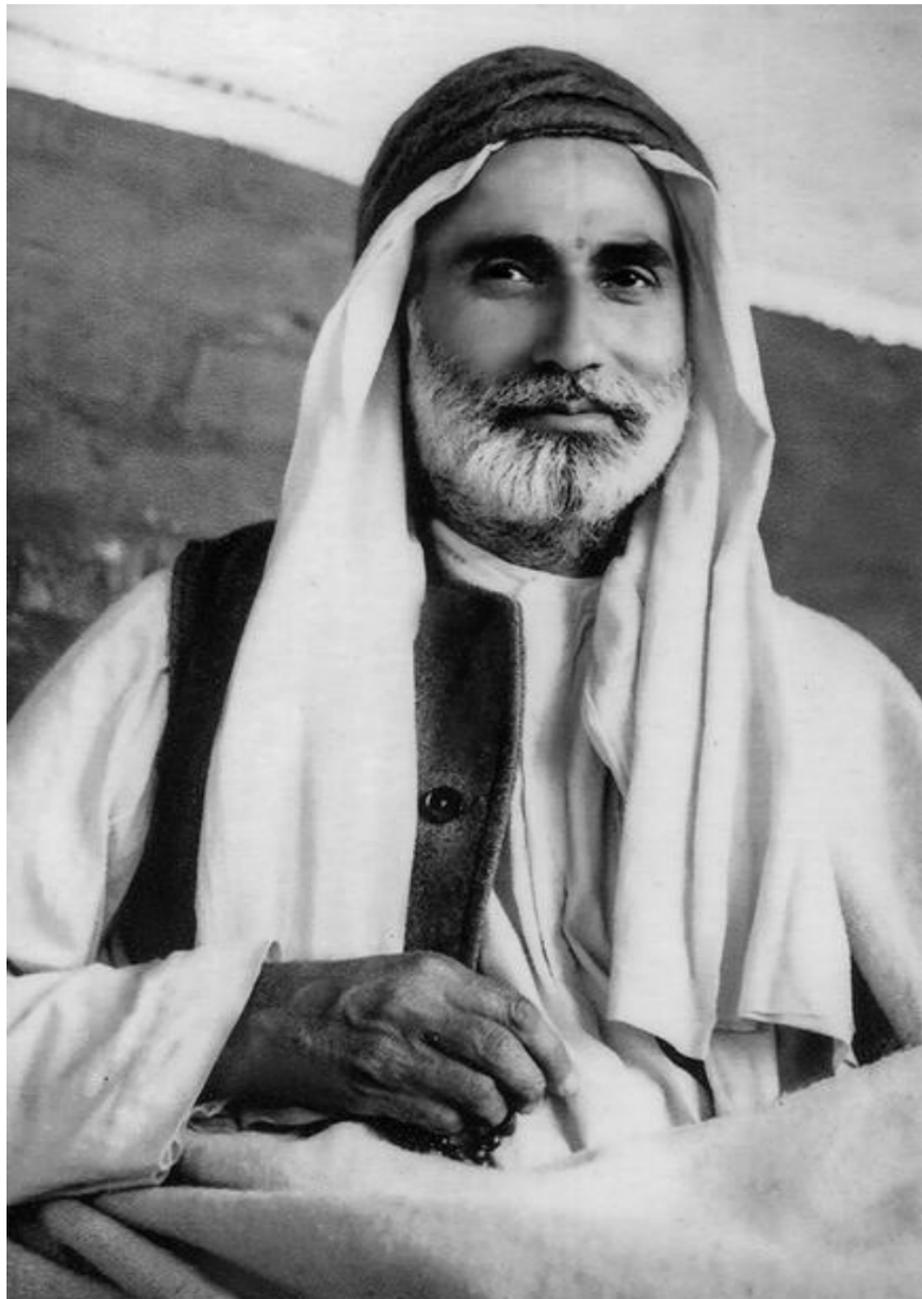
Свами Кришна Дасс Удасин

Именно в этом *ашраме* Чандра Пракаш повстречал великого святого Свами Кришну Дасса Удасина. Он был поражен простотой, чистотой и интенсивностью *садханы* этого святого. На тот момент Свами Кришне Дассу было около пятидесяти лет. Его прекрасное лицо лучилось аурой божественности. Он был высок, строен, красив, светлолиц. Было в нем что-то притягательное. Но самое главное, он был необычайно милостив и добр... в нем чувствовалось божественное присутствие.

Свами Кришна Дасс жил в Шринагаре (Кашмир), но частенько наведывался в Харидвар и Ришикеш. Когда в 1947 году в Кашмире начались беспорядки, он отправился в Харидвар и остановился в *ашраме* «Нараян Нивас». После этого он продолжил свои регулярные визиты в Ришикеш, где останавливался в комплексе уединенных хижин, которые *ашрам* «Сварг» соорудил для монахов, чтобы они могли осуществлять духовную *садхану*. В те времена Ришикеш еще не был так перенаселен. Место было спокойное и располагало к памятованию о Боге. Наладив общение с Махараджем¹⁵, Чандра Пракаш потом частенько навещал его в этой хижине близ Ришикеша, чтобы получить *даршану*, для чего ему приходилось пройти пять-семь миль от Лакшман-джулы (мост через

¹⁵ Махарадж буквально означает «великий царь». По индийской традиции этот эпитет часто употребляют в отношении святых и мудрецов.

Гангу в Ришикеше).

Редкие снимки Кришна Дасса

Свамиджи рассказал нам, что у Махараджа Кришны Дасса было много *сиддхи* (сверхъестественные способности), но он никогда не демонстрировал их публично ради достижения дешевой славы. Пандит Нитьянанда – известный тантрик из Шринагара – нередко говаривал, что Свами Кришна Дасс обладал способностью путешествовать в астральном теле и мог за считанные секунды попасть в любое место на Земле. А еще он умел читать мысли, но пользовался этой способностью редко. Даже некоторые материалисты и неверующие, познакомившись с ним, отчетливо ощущали его силу – и признавали это. Многие высокообразованные молодые люди были весьма впечатлены общением с ним и просили, чтобы он стал их гуру, однако он за всю свою жизнь так и не принял никого к себе в ученики.

За то время, пока Чандра Пракаш находился со Свами Кришной Дассом в *ашраме* «Нараян Нивас», он убедился, что тот не только обладает сверхъестественными силами, но также богат редкой божественной любовью и мудростью.

Как-то раз в начале марта 1953 года Чандра Пракаш, объятый глубочайшим бесстрашием, стал умолять Махараджа Кришну Дасса: «Будьте милостивы. Даруйте мне монашеское одеяние. Мир мне не интересен. Я хочу без остатка отдать себя поиску Богореализации». Махарадж Кришна Дасс был очень рад видеть столь искреннее бесстрашие в моло-

дом *брахмачари*. Он уже успел прочесть сознание и подсознание Чандры Пракаша силой своей всепроникающей интуиции и увидел, что молодой человек вполне годится для монашеской жизни. Так что святой с радостью откликнулся на просьбу молодого человека. Итак, в благоприятный день и время, пропев определенные священные *мантры*, он вручил оранжевое облачение монаха милому его сердцу Чандре Пракашу. При этом он сказал ему: «Помни же, что я – не гуру тебе. Я просто сделал то, что твой гуру должен был сделать давным-давно». Далее он с нежностью обратился к Чандре Пракашу, назвав его Чандрой Свами, призывая его строго соблюдать правила монашеской жизни и с неугасающим рвением идти по божественным следам Бабы Бхуман Шаха. И еще он сказал: «Никогда не делай различий между Бабой Шричандррри и Бабой Бхуман Шахом. Они – одна и та же божественная душа, воплотившаяся в разных телах, в разных обстоятельствах и в разные времена».

Хотя в сердце своем Чандра Пракаш давно уже был *санньясином*, теперь он получил формальное посвящение – и сменил имя с Чандра Пракаш на Чандра Свами. С той поры между двумя великими мудрецами завязались очень нежные и глубокие духовные взаимоотношения, которые со временем только крепили.

Таким образом, мы видим, как Баба Бхуман Шах, божественный учитель нашего Сваמידжи, несмотря на отсутствие у него физического тела, вначале посвятил своего ду-

ховного ребенка, передав ему *мантру* при посредничестве Маханта Гирдхари Дасса, а затем вручил ему оранжевое монашеское одеяние руками Свами Кришны Дасса.

Приняв *санньясу*, Свамиджи порвал на клочки все свои академические и спортивные дипломы и швырнул их в Гангу. Кроме того, он раздал друзьям свою одежду и спортивные награды. Зная о его страстной увлеченности спортом, мы можем представить себе глубину бесстрастия и любви к Богу, пылавших в его сердце. Свамиджи сам порой со смехом говорит, что перед принятием *санньясы* величайшей его привязанностью был волейбол, о чем свидетельствуют и вот эти воспоминания: «Однажды почитатель спросил, от чего мне было сложнее всего отречься, когда я стал *садху*. „От волейбола!“ – ответил я. Моя правая рука до сих пор длиннее левой, потому что именно ею я наносил свой коронный удар по мячу. За несколько дней до того, как я принял *санньясу*, два волейболиста из Дехрадуна были официально включены в сборную команду Индии для участия в турнире, который проводился в Советском Союзе. Мое имя стояло в этом списке. Но я не поехал.

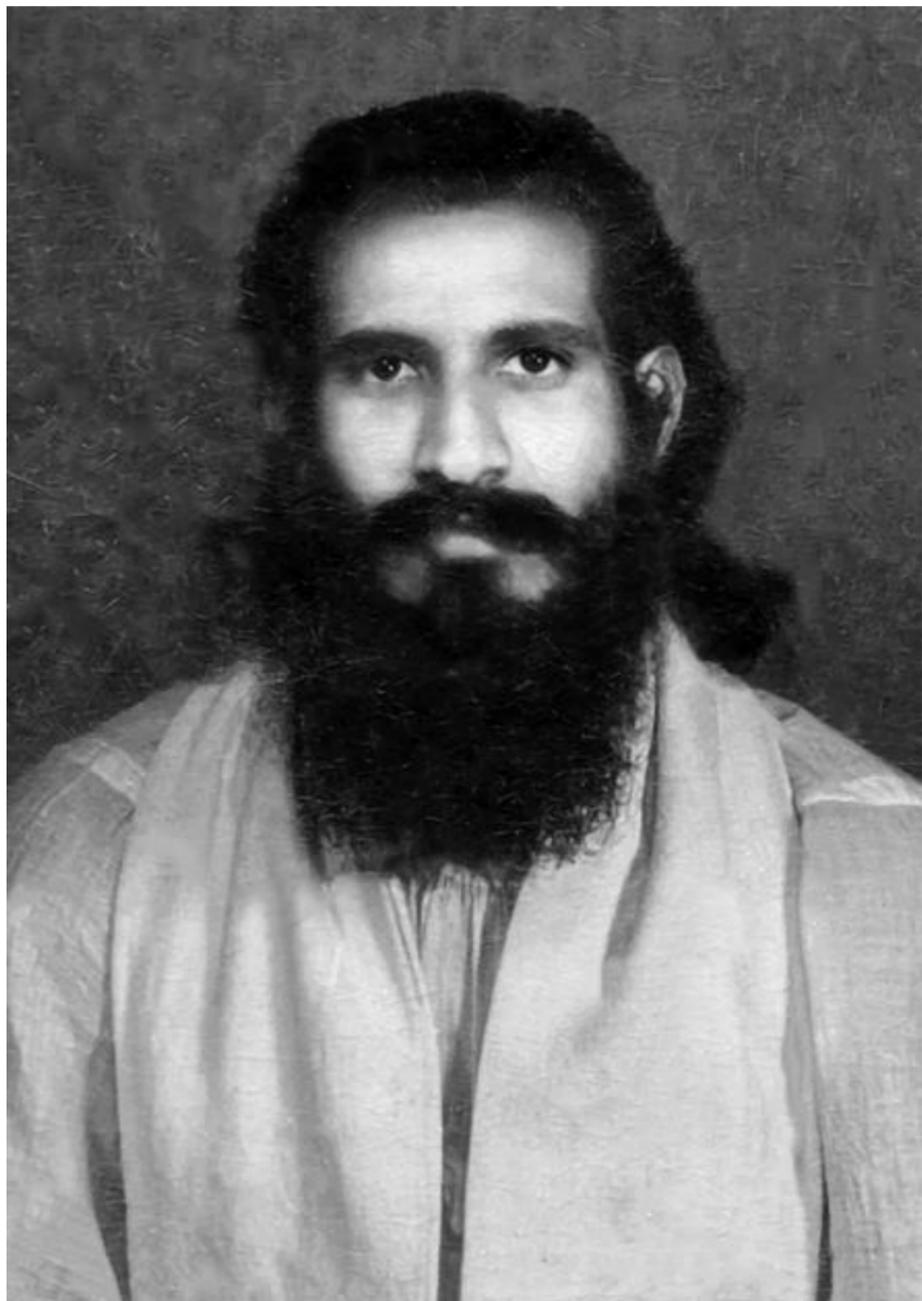
Даже после принятия *санньясы* я однажды участвовал в волейбольном турнире в Харидваре. Я тогда еще жил в Канкхале, близ Харидвара. В Харидвар для участия в чемпионате приехала команда из Дехрадуна. Два игрока этой команды были моими близкими друзьями. Прознав, где именно я остановился в Канкхале, они пришли ко мне и настояли,

чтобы я сыграл за их команду. (Тут Свамиджи рассмеялся.) Я играл в шафрановом облачении. Наша команда пробилась в финал, но в финале мы проиграли ребятам из Дели».

После принятия *санньясы* Свамиджи пробыл в Харидваре еще около месяца. Однажды он смиренно высказал Махараджу Кришне Дассу свое желание: «Махарадж, я не хочу больше никогда в жизни прикасаться к деньгам. Я хочу до конца дней своих всецело полагаться на одного только Бога».

Зрелый и мудрый Махарадж хорошо понимал психологическое состояние молодого монаха и отлично знал, как для него будет лучше. Улыбнувшись, он ответил: «Я высоко ценю твою веру в Бога и доверие к Нему. Но разве ты не знаешь, что деньги – это не просто казначейские билеты? Деньги – удобное средство для облегчения натурального обмена. На самом деле деньги вмещают в себя все материальные вещи. Если ты не хочешь прикасаться к деньгам, тогда тебе не следует принимать от кого бы то ни было также еду, одежду – ничего вообще. Хм... ты можешь соблюдать это правило – совсем не прикасаться к деньгам – в течение трех лет, и этого будет вполне достаточно, чтобы научиться жить, всецело доверившись одному только Богу. На самом деле обладание или необладание мирскими вещами имеет весьма отдаленное отношение к доверию Богу. Даже твое физическое тело – это имущество, которое тебе приходится сохранять ради выполнения *садханы*». Свамиджи смиренно принял повеление Махараджа и строго соблюдал этот непростой обет в те-

чение трех лет.

Молодой Свамиджи. Около 1953 года

Несколько дней спустя Свамиджи испросил у Махараджа дозволения отправиться пешком в Гималаи, чтобы получить *даршану* живущих там мудрецов и святых. Махарадж с радостью дал такое дозволение. Шел март 1953 года.

Паломничество в Гималаи

Их Харидвара молодой монах дошел пешком до Ришикеша и получил *даршану* Х. Х. Свами Шивананды из Общества божественной жизни. Свамиджи уже получал когда-то его *даршану* в Дехрадуне, но тогда еще не был основан *ашрам* Шивананды. А на момент их второй встречи *ашрам* Шивананды только-только начинал свою деятельность. *Брахмачарьи* и монахи жили в хижинах, а роль трапезного зала выполнял крытый железом навес на открытом воздухе.

Свамиджи вспоминает: «В те дни *ашрам* Шивананды был еще совсем мал. Свами Шивананда чувствовал себя неважно – ноги не слушались. Почти весь день он лежал в постели. Поздно вечером, уже после ужина, человек двадцать обитателей *ашрама* собирались у него в комнате и минут сорок распевали гимны на санскрите. Свами Шивананда тогда жил в небольшой комнате на берегу Ганги. Первое, о чем он меня спросил, едва я прикоснулся к его стопам – он в тот момент лежал в постели, – это откуда я пришел и где живу. Я сказал, что живу под Харидваром, в Канкхале. Также он спросил, как меня зовут и какова моя квалификация».

Из *ашрама* Шивананды Свамиджи направился в расположенный в нескольких километрах Нилкантх, прославленное историческое место, связанное с Господом Шивой, где Свамиджи пробыл два дня. Оттуда он отправился за *дарша-*

ной великого просветленного мудреца Свами Пурушоттамананды, который на тот момент жил в Васиштха Гуфе – пещере неподалеку от Ришикеша. Как следует из информации на табличке, установленной ныне перед пещерой Васиштхи, Свами Пурушоттамананда прежде был тесно связан с Обществом Рамакришны и активно занимался социальной работой (*сева*) на юге Индии, но затем им овладело бесстрастие, и он отправился в пещеру Васиштхи, чтобы жить в полном уединении. Ныне неподалеку от пещеры создан небольшой *ашрам*, куда круглый год приходят паломники. Вот, как вспоминает свой визит Свамиджи: «В 1953 году, идя пешком из Харидвара в Уттаркаши, я остановился в Васиштха Гуфе. Свами Рама Тиртх тоже останавливался тут около ста лет назад. Я читал о Васиштха Гуфе в его биографии, так что решил посетить это место – и задержался там на неделю. Когда я уходил, там жил Свами Пурушоттамананда и еще два *брахмачари*».

Из Васиштха Гуфы Свамиджи вернулся в Ришикеш и отправился пешком в Уттаркаши через Техри и Дхарасу. Свамиджи вспоминает: «Во время моего пешего странствия я на одну ночь остановился в Техри – заночевал на веранде *гурудвары*. Священник, служивший в той *гурудваре*, был очень любезен – принес мне ужин из дому и выдал два одеяла, чтобы я не мерз ночью. В то время этому телу было двадцать три года от роду».

Когда Свамиджи дошел до Дхарасу, его ноги, не привыч-

ные к каменистым горным дорогам, сильно распухли, он натер болезненные мозоли. Так что Свамиджи вынужден был задержаться там на три дня, прежде чем смог продолжить путь. Далее на пути он одну ночь ночевал в пещере, где было полно каких-то жалящих букашек. В результате тело покрылось волдырями от болезненных укусов. Наконец, ведомый твердой верой в Бога, презирая любые невзгоды, он пришел в Уттаркаши. По пути ему не приходилось просить еду. Милостивый Господь устроил все таким образом, что Свамиджи получал пищу и так. Придя в Уттаркаши, он на два дня остановился в знаменитом *ашраме* «Кайлаш». Там ему посчастливилось получить *даршану* прославленного пожилого святого-ученого Свами Тапована. Свами Тапован – наставник известнейшего святого-ученого Свами Чинмайянанды, основателя Миссии Чинмайи, имеющей множество филиалов по всей Индии и за рубежом.

Приведем некоторые подробности о пребывании Свамиджи в Уттаркаши, как он описал их сам: «Я имел обыкновение ежедневно ходить на берег Ганги – и обнаружил пустовавшую пещеру. Мне стало известно, что живший там *садху* на зиму ушел на равнины. В пещере не было ничего, вот я и поселился там. Неподалеку, возле самой Ганги, был горячий источник. Я прожил в той пещере недели три. Очень хорошее место для *садханы*, где может жить только любящий уединение монах. У этого места очень сильная энергетика, отчего ум непринужденно перешел в возвышенное состоя-

ние. Раз в день я ходил в располагающийся неподалеку *ашрам* «Садху Бэла», чтобы принять пищу. Так как было еще довольно холодно, в *ашраме* на тот момент жили только два или три *садху*. Когда немного потеплело и в Уттаркаши стали возвращаться *садху* с долин, я подумал, что в любой момент может вернуться и тот монах, который обитал в пещере прежде, а поэтому мне следует освободить жилище».

Так он покинул Уттаркаши. Он много слышал о Кашмире – «земном рае». Не раз рассказывал ему о красотах Кашмира и Свами Кришна Дасс – о величественных пейзажах этой местности, а также о том, что тамошняя атмосфера очень способствует *садхане*. Кроме того, он знал, что горячо любимый им Свами Кришна Дасс должен к этому времени уже вернуться из Харидвара в Шринагар. Так, следуя зову Господа, молодой монах ушел из Уттаркаши и двинулся в Харидвар, откуда намеревался направиться в Кашмир. Был апрель 1953 года.

Даршана святого Гурумукха Сингха

Когда Свамиджи шел из Дхарасу в Нарендра Нагар, некий водитель грузовика, испытывавший глубочайшую привязанность к святым, остановил свой автомобиль и с величайшим уважением пригласил монаха в кабину. Он довез его до Нарендра Нагара, а взамен попросил только благословения. Оттуда Свамиджи продолжил путешествие пешком, и на момент прибытия в Харидвар ноги его снова распухли, покрылись болезненными трещинами и мозолями. Поэтому он решил на несколько дней задержаться в Харидваре, прежде чем продолжить путь в Кашмир.

Свамиджи прослышал от другого святого о великом просветленном мудреце в годах – святом Гурумукхе Сингхе, который жил в полном уединении близ Сапта Саровара в соломенной хижине в *джхади* – густом лесу, покрывающем острова среди многочисленных рукавов Ганги. Свамиджи захотелось просить *даршану* у этого святого мудреца, и он подумал, что с удовольствием проведет с ним несколько дней, если тот позволит.

И тогда он отправился на поиски мудреца – через бурные воды Ганги, через дремучие джунгли... Наконец, он увидел святого. Погруженный в медитацию, тот сидел с закрытыми глазами на бамбуковом кресле возле соломенной хижины на берегу Ганги. Прочитируем Свамиджи:

«Я смиренно склонил голову перед мудрецом и безмолвно уселся напротив. Рядом с ним я ощущал очень сильное божественное присутствие, хотя и не мог толком понять, в чем оно состоит.

Святой Гурумукх Сингх принадлежал к направлению нирмала, которое основал Гуру Говинд Сингх, десятый Учитель сикхов. Этот мудрец был очень спокоен, тих и преисполнен любви. Лицо его излучало умиротворение, чистоту и *теджас* (свет). Помимо прочего, он был известным знатоком санскрита.

Минут через тридцать он медленно открыл глаза и, увидев меня, попросил представиться и сообщить о цели моего визита. Спокойно и терпеливо послушав меня в течение двух-трех минут, он молвил: „Я не раз слышал от разных людей о величии Бабы Бхуман Шаха. Это был великий мудрец. Однако сегодня мне впервые довелось повстречать монаха, принадлежащего его традиции“. Святой был очень добр ко мне и отнесся как к собственному ребенку. Он позволил мне остановиться в его хижине.

Помню один интересный случай, произошедший в первую же ночь в его хижине. Ночью я ощутил, как что-то движется под циновкой, на которой я спал. Оно шипело – я испугался. Я открыл глаза и увидел в тусклом свете луны, пробивавшемся в хижину через окно, что мудрец сидит со скрещенными ногами, глубоко погруженный в медитацию, метрах в полутора от меня. Оставшиеся пять часов той ночи мне не

спалось – было страшно, – но мудрец неподвижно сидел в той же позе, в глубокой медитации. Утром, после восхода, я рассказал мудрецу о случившемся и о моем страхе. Рассмеявшись, мудрец сказал: „Тут действительно есть совсем молодой питон, который частенько заползает в хижину для ночлега. Я много раз ловил его в горшок, уносил и выпускал в лесу, примерно в километре от моей хижины, но он упорно возвращается. Нравится ему ночевать у меня. Так что теперь я его уже и не выгоняю. Он очень умный и ласковый – не укусит и ничего плохого не сделает, даже если ты нечаянно на него наступишь“».

Свамиджи оставался на том лесистом острове в гостях у святого Гурумукха Сингха что-то около пятнадцати дней. В десять утра мудрец имел обыкновение плотно завтракать – еду ему приносил почитатель из *ашрама* «Сапта Риши». Он делился завтраком со Свамиджи, который после этого уходил вверх по течению. Свамиджи проходил вдоль берега около километра, усаживался на берег Ганги и сидел там до вечера, предаваясь молитве, *джане*, медитации и чтению Свами Вивекананды, а на закате возвращался в хижину.

Это священное место с богатой историей называется Сапта Саровар в честь Сапта Риши – семи великих провидцев, которые в древности практиковали строжайшую аскезу в этом самом лесу, о чем поведали нам священные писания индуизма. Чистейшая атмосфера этого места заряжена духовными вибрациями и покоем, она очень способствуету-

ет духовным практикам, несмотря на то что по ночам туда частенько захаживают слоны, тигры и другие дикие звери, обитающие за Гангой, в Кадли-Ване. Кадли-Ван – это дремучие джунгли, где произрастает дикий банан, бамбук и деревья *сал*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.